ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 6 (58)
6 ФЕВРАЛЯ 1943 г.
ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО
Цена 45 коп.

Сталинградская героическая эпопея закончилась полной победой наших войск.

Выполняя сталинские стратегические предначертания, Красная Армия наносит врагу удар за ударом, освобождая родную землю от фашистской нечисти.

Слава Красной Армии и ее великому полководцу!

Приказ

ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ВОЙСКАМ ДОНСКОГО ФРОНТА

Донской фронт.

Представителю Ставки Верховного Главнокомандования маршалу артиллерии тов. ВОРОНОВУ.

Командующему войсками Донского фронта генерал-полковнику тов. РОКОССОВСКОМУ.

Поздравляю Вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окруженных под Сталинградом вражеских войск.

Об'являю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия.

Верховный Главнокомандующий
И. СТАЛИН.

Москва, Кремль. 2 февраля 1943 года.

Герои Сталинграда

Сталинградская эпопея завершена. Гигантская, неизмеримая по масштабам и ожесточению битва — одна из величайших в истории войн — окончилась абсолютной победой Красной Армии. Под Сталинградом не только разгромлены отборные дивизии врага, вооружённые по последнему слову военной техники, но нанесены сокрушительные удары по гитлеровской Германии, ибо разбит стратегический план гитлеровского командования. В напряжённых, беспрерывных боях Красная Армия разведала в прах гитлеровский план захвата Сталинграда, прорыва фашистских полчищ в обход с востока на Москву.

Беспримерная стойкость и мужество защитников Сталинграда сорвали расчеты врага. Наступление Красной Армии сделало сталинградский плацдарм огромной могилой для фашистов, местом бесславия, бесчестия гитлеровской Германии. История войн не знает другого, подобного Сталинграду, примера окружения и уничтожения такого колоссального количества отборных, выкунтированных войск, снабжённых до отказа первоклассной военной техникой. Отныне Сталинград стал символом глубочайшего позора для фашистской Германии. Отныне Сталинград стал вновь символом непримиримой славы русского народа, выражением неистребимой воли и мужества советских людей, воплощением военной доблести и беззаветного героизма воинов Красной Армии.

В истории отечественной войны оборона Сталинграда займёт почётное место, и слава о Сталинграде будет жить в веках, какие бы новые грандиозные сражения и битвы ни увенчали путь Красной Армии.

Вновь, впервые в истории, оборона города Сталина стала поворотной вехой в освободительной войне советского народа против тёмных вражеских сил. Вновь победа Сталинграда — выражение гениального стратегического предвидения вождя, полководца великой армии советского народа.

Победа под Сталинградом определяет судьбы нашей родины, она имеет всемирно-историческое значение.

Пять месяцев неумолчно гремели орудия. Беспрерывные или воздушные, наземные атаки врага, располагавшего превосходящими силами. Все средства современного боя были пущены врагом в ход, чтобы сломить сопротивление защитников города. Но бесстрашные советские воины не дрогнули, не отступили. «На том берегу Волги для нас земли нет», — твердо говорили они и бились на смерть, стояли до конца, совершали чудеса, защищая каждый метр священной сталинградской земли. Вечной будет память об этих героях — богатырях земли русской.

Сталинград выстоял. Защитники города, как легендарные чудо-богатыри, отразили натиск вражеских полчищ. На голову врага была обрушена могучая наступательная сила нашей Красной Армии. С этого момента война перешла в новую фазу. Красная Армия взяла инициативу в свои руки и, выполняя сталинские стратегические предначертания, осуществила классический разгром крупной группировки вражеских войск. Гениальность общего стратегического плана, разработанного Верховным Главнокомандованием, в сочетании со зрелой военной мыслью и полководческим талантом командиров Красной Армии и героической этапой, решимостью бойцов ее привели к грандиозной победе.

Победа под Сталинградом стала всенародным праздником. Народ гордится своей армией, своими полководцами. Товарищ Сталин, поздравляя маршала артиллерии тов. Воронова, генерал-полковника тов. Рокоссовского и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окружённых под Сталинградом вражеских сил, писал в своем приказе: «Об'являю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия». Эти слова вождя и полководца — выражение чувств всего народа.

Слава победителям под Сталинградом! Красная Армия продолжает наступление, освобождая города и сёла, создавая угрозу вражеским группировкам на различных частях фронта. В великих битвах Красной Армии Сталинград всегда будет образцом величия нашего народа, нашей армии, воплощением чести и доблести наших воинов.

Оборона Сталинграда — непревзойдённый пример бессмертия, могущества советского народа, величия его духа. Для художника нет почётнее и ответственнее задачи — передать в совершенных формах искусства великое, всемирно-историческое содержание этой победы. Мастера искусств, современники и участники отечественной войны, чувствуют эту ответственность. Архитекторам предстоит на руинах героического города создать его новый ансамбль, увековечивающий подвиги героев — защитников города. Слава героических защитников Сталинграда будет запечатлена в ярких и вдохновенных произведениях искусства и литературы. Эти произведения не могут быть иными: народ, армия, оборонявшие город, проявили такую высокую меру благородства, человечности, непревзойденного героизма, что для её выражения надо искать высокие средства художественного мастерства.

Впереди предстоят великие битвы за родину, за полное освобождение нашей земли от немецко-фашистских захватчиков. Красная Армия усиливает свой наступательный порыв. Все силы народа мобилизованы на разгром врага, на завоевание окончательной победы. И в этом движении вперёд героическая оборона Сталинграда всегда будет вдохновлять советский народ на новые подвиги.

„ГИМН ОКТЯБРЮ"

НОВАЯ КАРТИНА ХУДОЖНИКА А. ГЕРАСИМОВА

На выставке «Великая отечественная война» в залах Третьяковской галлереи появилось новое полотно работы лауреата Сталинской премии, заслуженного деятеля искусств А. Герасимова. Картина называется «Гимн Октябрю». На ней изображено торжественное заседание в Большом театре. В золоте и хрустале люстр отражаются тысячи электрических огней ложи и зрительного зала. Сцена празднично убрана знаменами и алыми знаменами. За столом президиума — руководители партии и правительства, представители высшего командования Красной Армии. В зале собрались лучшие люди страны — герои социалистического труда, знатные люди колхозных полей, цвет советской науки, искусства, литературы. В ложах на переднем плане старейший народный певец Джамбул, дважды Герой Советского Союза И. Папанин, выдающиеся русские театральные деятели В. Немирович-Данченко, И. Москвин, В. Барсова, А. Яблочкина, композитор Д. Шостакович, писатель А. Толстой, архитектор В. Весник, художник И. Грабарь, академики А. Вах, Т. Лысенко и многие другие. Взоры всех прикованы к трибуне, на которой выступает с докладом товарищ Сталин.

Художник изобразил на картине более 100 известных всей стране людей.

(ТАСС).

«Отомщу фашистам!».
Плакат В. ДЕХТЕРЕВА, получивший поощрительную премию на конкурсе к 25-летию Красной Армии.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ ПРИШВИНА МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

За выдающиеся заслуги в области художественной литературы, в связи с 70-летием со дня рождения наградить писателя Пришвина Михаила Михайловича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 5 февраля 1943 года.

ОМСК

ДИРЕКТОРУ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ВАХТАНГОВА ТОВ. РЫЖАКИНУ СЕКРЕТАРЮ ПАРТБЮРО ТОВ. СЕРЕБРЯННИКОВОЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МЕСТКОМА ТОВ. ЕМЕЛЬЯНОВУ

Прошу передать коллективу Государственного театра имени Вахтангова, собравшему 100.000 рублей на постройку самолета «Вахтанговец», — мой привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Воодушевлённый героическими подвигами Красной Армии, ведущей победоносное наступление против коварного врага, коллектив Ростовского на Дону театра Музыкальной комедии внёс в Госбанк 500 тысяч рублей на строительство звена тяжёлых бомбардировщиков и призывает все театрально-зрелищные предприятия Советского Союза ко дню 25-й годовщины Красной Армии построить 100 эскадрилий боевых самолётов «Советский артист».

Пусть краснокрылые самолёты, построенные на трудовые деньги работников искусства, беспощадно громят гитлеровских захватчиков — фашистских мракобесов, извергов и тупых кровожадных зверей в человеческом личине.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мы глубоко убеждены, что под Вашим мудрым руководством враг будет уничтожен.

Желаем Вам многих лет плодотворной работы на радость и счастье нашего народа.

Обнимаем Вас и крепко жмём Вашу руку.

По поручению коллектива театра

Директор Ростовского на Дону театра Музыкальной комедии ФОМИН В. С.

ПЕНЗА

ДИРЕКТОРУ РОСТОВСКОГО НА ДОНУ ТЕАТРА МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ ТОВ. ФОМИНУ В. С.

Прошу передать работникам Ростовского на Дону театра Музыкальной комедии, собравшим 500.000 рублей на постройку боевых самолётов «Советский артист», — мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль товарищу СТАЛИНУ

Дорогой товарищ Сталин!

Воодушевлённые победоносным наступлением нашей доблестной Красной Армии и следуя замечательному патриотическому почину передовых людей нашей Родины, работники Центрального аппарата и московских музыкальных коллективов Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР собрали из своих личных сбережений на строительство танковой колонны «Москва» и внесли в кассу Госбанка 360.000 рублей и 60.000 облигациями Государственных займов.

Пусть несокрушимый строй бронетанковых сил Красной Армии пополнится машинами, построенными и за счёт нашего скромного вклада.

Горячо желаем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, здравствовать долгие годы на радость и счастье нашего народа, на процветание нашей славной Родины.

Председатель Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР. ПОЛИКАРПОВ.
Секретарь партбюро РЖАНОВ.
Председатель месткома АЛЕКСЕЕВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИТЕТА ПО РАДИОФИКАЦИИ И РАДИОВЕЩАНИЮ ПРИ СНК СССР ТОВАРИЩУ ПОЛИКАРПОВУ СЕКРЕТАРЮ ПАРТБЮРО ТОВАРИЩУ РЖАНОВУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МЕСТКОМА ТОВАРИЩУ АЛЕКСЕЕВОЙ

Прошу передать работникам Центрального аппарата и московских музыкальных коллективов Комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, собравшим 360.000 рублей и облигациями госзаймов 60.000 рублей на строительство танковой колонны «Москва», — мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Его Превосходительству Иосифу В. СТАЛИНУ

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Москва.

В качестве Главнокомандующего вооруженными силами Соединенных Штатов Америки я поздравляю Вас с блестящей победой Ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим Верховным Командованием. Сто шестьдесят два дня эпической борьбы за город, борьбы, которая навсегда прославила Ваше имя, а также решающий результат, который все американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, об'единившихся против нацизма и его подражателей. Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и на полях, об'единились не только для того, чтобы покрыть славой оружие своей страны, но и своим примером вызвать среди всех об'единенных наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага.

Франклин Д. РУЗВЕЛЬТ.

Вашингтон, 5 февраля 1943 г.

Господину Франклину Д. РУЗВЕЛЬТУ

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Белый дом, Вашингтон.

Благодарю Вас за поздравление в связи с победой советских войск под Сталинградом.

Выражаю уверенность, что совместные боевые действия вооруженных сил Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза в скором времени приведут к победе над нашим общим врагом.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль. 6 февраля 1943 года.

НАКАНУНЕ XXV-ЛЕТИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

100 фронтовых бригад

Комитет по делам искусств при СНК СССР к 25-летию Красной Армии направляет на фронт свыше 100 бригад театров, филармоний и Всесоюзного гастрольно-концертного об'единения.

57 концертно-эстрадных бригад уже начали свои выступления в частях Действующей армии.

На фронт уже выехали бригады Ленинградского Малого оперного театра, Ленинградского цирка, театров г. Чкалова и бригада крупнейших мастеров таджикского искусства — А. Мулакандов, А. Алимова, М. Волина, М. Зиров, А. Шишов, Вламат-Заде и др.

На днях в части Действующей армии выезжает бригада МХАТ СССР им. Горького. В составе бригады: А. Зуева, С. Блинников, Н. Дорохин, Г. Калиновская, В. Сашин, сурдопат М. Каренин, вокалисты, аккордеонист. Артисты покажут фронтовикам сцены из пьес репертуара МХАТ, исполнят специально приготовленные отрывки из произведений Островского, Чехова, Горького, Тренева, русские песни, дуэты и арии из классических опер.

8 февраля в Действующую армию выезжает бригада Малого театра в составе А. Полякова (худ. руководитель) В. Обуховой (бригадир), О. Малышевой, В. Темкиной, Н. Карасевич, Н. Лагутина, Т. Ванюкова и артистов вокально-музыкального состава. В репертуаре бригады — сцены из «Маскарада» Лермонтова, «Медведь» Чехова, старинный водевиль «Дочь русского актёра» сонеты, стихи, рассказы и песни советских композиторов об отечественной войне.

В ближайшие дни выезжают бригады Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова, Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, ансамбль Московского театра драмы и ансамбль песни и пляски Чувашской АССР, бригада Сегуди К. С. Станиславского и бригада артистов Белорусского театра оперы и балета.

НОВЫЕ ПЛАКАТЫ И ЛУБКИ

Закончился организованный Комитетом по делам искусств и издательством «Искусство» конкурс на лучшие плакат и лубок к 25-летию Красной Армии.

На конкурс поступило 46 работ, из них 41 плакат и 5 лубков.

Жюри конкурса присудило первую премию в 10.000 р. художнику Д. Шмаринову за плакат «Все для победы».

Вторые премии — по 6000 р. — присуждены за плакаты В. Иванова «Блокада Ленинграда прорвана!», А. Комарекина «Знамя полка — честь полка» и лубок П. Алякринского «Слава народу русскому».

Третьи премии — по 4000 р. — получают художники Кукрыниксы за плакат «К победе», Н. Долгорукова за плакат «В последний час» и И. Тоидзе за плакат «Клянусь родине!».

Поощрительные премии решено выдать за плакаты Л. Голованова «За народную хлеб-соль», В. Корецкого «Вперед на разгром врага», В. Дени и Н. Долгорукова «Дас ист гут», В. Иванова «Наше знамя — знамя победы», Б. Дехтерева «Отомщу фашистам!», В. Щеглова «На вахта!» и Н. Ватолиной — «Отомсти за кровь детей!».

Часть плакатов издательство «Искусство» выпускает к 25-летию Красной Армии.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА КОЛЛЕКТИВА ЦТКА

СВЕРДЛОВСК. (От наш. корр.). К 25-летию Красной Армии и Военно-Морского Флота коллектив Центрального театра Красной Армии ставит новый спектакль — «Бессмертный» А. Арбузова и А. Гладкова, посылает бригады для обслуживания частей Красной Армии. В феврале будут проведены 4 творческих рапорта-концерта мастеров театра для бойцов и командиров. Организуется постоянная творческая помощь красноармейской художественной самодеятельности.

ПОДГОТОВКА К ЮБИЛЕЮ РККА В КУЙБЫШЕВЕ

КУЙБЫШЕВ. (От наш. корр.). К 25-й годовщине Красной Армии областной драмтеатр покажет «Нашествие» Леонова. Сталинградский театр, гастролирующий в Сызрани, покажет пьесу Симонова «Жди меня». Колхозный передвижной театр — «Любовь Яровую».

Хор, оркестр и балет Большого театра Союза ССР выступают с творческими отчетами в воинских частях и госпиталях. В дни празднования годовщины будут даны 25 специальных концертов.

Открывается большая выставка живописи, на которой будут представлены произведения, посвящённые Красной Армии, а также портреты героев отечественной войны и передовиков производства. Новые картины готовят для выставки художники Соколов, Борисов, Тавлевский, Цибульник, скульптор Аким и другие.

ВЫСТАВКА КАРТИН ХУДОЖНИКОВ ЛЕНИНГРАДА

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Ленинградские художники деятельно готовятся к новой выставке, посвящённой 25-летию Красной Армии. Художники И. Владимиров, А. Кавацев, С. Ксенофонтов, В. Пискунов и другие выезжали на фронт для зарисовок боёв. Некоторые художники побывали у партизан. В. Серов готовит для выставки картины «Последний патрон», «Десант балтийцев» и «Герой-пехотинец в бою». И. Серебряный пишет картину «Ладога», И. Владимиров пишет «Бой под Ям-Ижорой». А. Кавацев — «Бой за переправу», С. Ксенофонтов — «Бой под Колпином». Интересные работы выполняет графики: А. Пахомов — серию рисунков об обороне Ленинграда, Н. Павлов — серию рисунков об И-ском гвардейском корабле.

ПРЕМЬЕРА «ОЛЕКО ДУНДИЧ» В ТБИЛИСИ

ТБИЛИСИ. (От наш. корр). К годовщине Красной Армии русский драматический театр имени Грибоедова ставит «Олеко Дундич» Каца и Ржешевского. Режиссер — А. Ридель, художник — Б. Локтин. В музыке к спектаклю, написанной постановщиком Ридлем, использован сербский песенный фольклор.

СБОРНИК «КРАСНОЙ АРМИИ — СЛАВА!»

Издательство «Искусство» выпускает к 25-летию Красной Армии ряд новых изданий.

Вышел из печати сборник литературно-художественных произведений «Красной Армии — слава!». Сборник составлен из ранее напечатанных и впервые публикуемых стихов, песен, рассказов, одноактных пьес, частушек и басен. Авторы сборника — А. Сурков, А. Твардовский, И. Сельвинский, А. Прокофьев, Н. Тихонов, В. Инбер, В. Лавренев, А. Гайдар и др. В книгу включены «Сцена в окопе» из пьесы «Фронт» А. Корнейчука и одноактная пьеса А. Гладкова «Неизвестный матрос».

«ПОЛКОВОДЕЦ СУВОРОВ»

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Театральный агитвзвод Дома Красной Армии им. Кирова готовит к 25-летию РККА спектакль «Полководец Суворов». В его основу положена одноименная пьеса Бахтерева и Разумовского, дополненная стихотворными прологом и эпилогом П. Солодаря и М. Дудина о суворовских традициях в Красной Армии. В эпилоге перед зрителем пройдут героические образы русских воинов — от суворовских солдат до бойцов Красной Армии. Создается специальная музыкальная композиция из солдатских песен и военных маршей. Художественный руководитель постановки — Б. Бродинский, режиссёр — В. Лебедев. В роли Суворова выступают Н. Корн и П. Кашевский.

«Вперед, на разгром врага!».
Плакат Н. КОРЕЦКОГО, получивший поощрительную премию на конкурсе к 25-летию Красной Армии.

Р. КАРМЕН

В СТАЛИНГРАДЕ

Белые, покрытые снегом, бескрайние волжские степи, глубокие, извилистые балки раскинулись на десятки километров. И на всём этом пространстве, когда летишь на маленьком «У-2» и осматриваешься кругом, трудно найти хоть одно место, не сохранившее следов небывалой в истории человечества битвы, во время которой земля хлебала от разрывов, пропитывалась кровью, в снаряды летели в таком количестве, что часто сталкивались в воздухе.

Пройдут годы. Гордое слово «Сталинград» будут произносить наши потомки как символ благородной стойкости, мужества, преданности родине. Народ будет вечно помнить о Сталинграде потому, что здесь начался праздник нашей победы. Здесь впервые несмываемым позором немецкое оружие. Здесь восстала слава русских воинов, отстоявших великую Волгу и положивших начало небывалому разгрому гитлеровских полчищ.

Пройдёт время, и на экране появляют образы героев Сталинграда — мужественных людей в полушубках, испачканных пеплом, небритых, покрытых кровью; бойцов, сражающихся в подвалах, переулках, лестничных клетках. Зритель увидит героев Родимцева, увидит, как тысячи прославленных самоходов сносили квартал за кварталом, как русские люди дрались и умирали, не отступая ни на шаг. И когда зритель будет смотреть на экран, он обязательно с благодарностью подумает о тех скромных людях, которые подарили истории эти образы героического прошлого, с опасностью для жизни зафиксировали то, что происходило на берегах Волги на несколько месяцев, то, что останется в веках, то, чему имя: — **Сталинград.**

Операторы, снимавшие в Сталинграде, перенесли всю тяжесть отступления Красной Армии. Они шли с войсками, отстаивавшими каждый километр родной земли, они дошли до стен Сталинграда, они снимали день за днём. Трудно сейчас дать подробную оценку каждому святому эпизоду—их тысячи. Нелегко оценить и весь материал в целом. Его очень много. Не даже те небольшие отрывки, которые были в очередных журналах — лаконичные корреспонденции операторов кинегруппы Сталинградского фронта, производили огромное впечатление.

Группа Сталинградского фронта состоит из операторов тт. Орлянкина, Вакара, Софаина, Поселького, Островского, Шедронова, Кадякова и звукооператора т. Кицмана. Руководитель группы тов. А. Кузнецов — с первых дней войны на фронтах. Это мужественный человек, пошедший не раз в очень серьёзные и опасные положения. Умелый организатор, он сколотил дружный коллектив операторов, который недавно по всесоюзном соревновании занял первое место своей боевой работой.

Сейчас в Центральной студии режиссёр Л. Варламов работает над монтажем большого фильма о героической обороне Сталинграда и разгроме под Сталинградом окружённых немецких войск. Автором этого фильма будет славный коллектив операторов Сталинградского, ныне Донского фронта.

Я был в Сталинграде в последние дни, когда наши войска снимали всё тесное мёртвую стальную петлю на шее окружённых гитлеровцев. Был свидетелем последних боёв, в которых сокрушающим огнём нашей артиллерии взламывались последние узлы немецкой обороны в центральной части города.

В разрушенном до основания, превращённом немцами в руины городе, днем и ночью шли бои. Бойцы выкатывали орудия на улицу, били прямой наводкой по домам, выкорчёвывали из них засевших и продолжавших бессмысленное сопротивление гитлеровцев. Операторы распределялись по различным воинским частям таким образом, чтобы все участки боёв были в поле зрения, ни одно событие в эти исторические часы не прошло незамеченным.

Съёмка уличных боёв — совершенно особый вид работы военного кинохроникёра. Сталинградские операторы приобрели в этой области большой опыт. Особенно удачны были за время тяжёлых оборонительных боёв в Сталинграде съёмки оператора Орлянкина, проявившего много изобретательности, хладнокровия, отваги и профессионального мастерства. Это дало ему возможность заснять на редкость удачные боевые куски в тяжёлых условиях уличных боёв.

И эти последние дни, когда часы сопротивления двух немецких группировок, окружённых в Сталинграде, были сочтены, операторы работали, используя каждую минуту короткого зимнего дня. Наряду с боями нужно было заснять массовую сдачу в плен германских солдат и офицеров, моменты капитуляции генералов, которые то здесь, то там присылали парламентёров. Наконец, необходимо было не пропустить момент сдачи в плен самого фельдмаршала фон Паулюса, пленение и капитуляция которого ожидались буквально с минуты на минуту.

На одном из участков западной окраины Сталинграда снимали, как сдавался в плен командир 376-й дивизии генерал-лейтенант фон Даннель. Он шёл по улице в полной форме, сверкающей золотом знаков отличия. За ним, в некотором отдалении, шли нагруженные своим личным багажом его офицеры — начальник штаба, полковники. А дальше растянулась на полкилометра лента кокетливых французов, представляющих остатки отборной немецкой дивизии, прошедшей через всю Францию, Польшу, побывавшей под Москвой и теперь завершившей свой бесславный поход.

Генерал не может скрыть своего волнения, когда, вытянувшись во фронт перед майором Сороковым, уполномоченным принять сдающихся в плен дивизию, рапортует советскому офицеру. Потом генерал передаёт майору свой пистолет. Все офицеры проделывают то же. Солдаты сложили оружие на середине улицы. Выросла целая гора автоматов, винтовок, пулемётов.

Когда генералу на широком дощатом столе, где проходит сейчас линия фронта, он впервые раскрыл глаза. Он не ожидал этого. Гитлер, посылавший по радио своим подчинённым приказ не прекращать о продолжении сопротивления, не информировал их о поражении германских армий, отступающих к Ростову.

Одна из пленных генералов сообщил нашему командованию, что Паулюс со штабом скрывается в подвале одного из домов центральной части Сталинграда. Войска, заканчивающие разгром немцев, продолжали очищать город от мелких групп автоматчиков, засевших в домах. Разведка установила, что по всей вероятности один из таких сохранившихся очагов сопротивления и есть место, где скрывается Паулюс. Это место окружили, подвели танки. Вскоре поднялся парламентёр от Паулюса с предложением о капитуляции фельдмаршала. Паулюс, получил днём этой ночью телеграфное сообщение о повышении его в чин фельдмаршала. Первым его мероприятием на этом высоком поприще была сдача в плен советским войскам.

Мы снимали Паулюса, когда он прибыл в штаб части, пленившей его. Подъехала немецкая штабная машина. Из неё вышел Паулюс. Мрачный, небритый. Если уж он фельдмаршал имеет такой помятый вид, то что же требовать от его солдат, которые бредут по дорогам, укутанные тряпьём, совершенно утратившие человеческий облик.

Съёмка продолжалась и в помещении, где происходил первый допрос пленного фельдмаршала, его начальника штаба генерал-лейтенанта Шмидта и адъютанта Адама.

В эти последние часы в штаб фронта со всех участков Сталинграда стекались материалы, снятые операторами. Начальник группы тов. Кузнецов связывался со всеми операторами, устанавливал, что заснято, давал указания. К рассвету, когда на аэродроме стоял уже наготове специальный самолёт, у Кузнецова набралось около двух тысяч метров плёнки. Утром самолёт поднялся с одного из сталинградских аэродромов и через несколько часов, покрыв без посадки всё расстояние до Москвы, приземлился на Центральном московском аэродроме. Плёнка была доставлена в Центральную студию, где немедленно приступили к её проявке.

Военные люди покидают Сталинград, ставший теперь городом глубокого тыла. Они направляются на далёкие уходящие фронты, туда, где продолжается разгром немцев, начатый под Сталинградом. Вместе с войсками направляются туда и наши фронтовые операторы — участники всех боевых походов.

Сталинград, превращённый сегодня в руины, снова станет красивейшим городом Советского Союза. И одним из памятников героям Сталинграда будут снятые советскими операторами тысячи метров плёнки, отражающие героизм и стойкость советских людей, величие и славу русского оружия.

Артисты на фронте

Поэтесса и любит Мукаева Аманова — замечательная исполнительница узбекских народных танцев. Можно вполне в этот замечательно танцующий разнообразные, что обращение об полностью забывают. То жаркий пробел танцует, то, как выстрел, ударяет бубен в руках юного Хамдамова.

Бойцы, собравшиеся в блокаде — русские и узбеки, казахи и таджики, — восторженно встречают выступления узбекских артистов. Клуб-блокада то и дело оглашается аплодисментами.

Чудесная певица Сара Самадурова с одинаковым успехом исполняет арии из узбекских опер и популярные фронтовые русские песни «Давай закурим», «В окопах». Поёт по-белорусски Аклимова Маргарита. Виртуозы и звезды движения танцовщицы Лазиз Палтуновой и Турсунай Маруновой, исполняющих воинственный танец. И когда они с кинжалами в руках вихрят по сцене, то среди зрителей слышно пение:

— На «окопы» пошли...

Тепло встречают артистов и остальных участников фронтовой бригады, возглавляемой Мухафером Мухамедовым.

Искусство, которое приносили на фронт артисты Узбекистана, глубоко народно, и язык его понятен и доступен каждому. Это искусство бодрит, зовёт к новым подвигам во славу отчизны.

— Хороший подарок прислал нам наш народ — любимых артистов. Я тоже отвечу подарком. У меня на счету девять убитых немцев. Обещаю завтра же этот счёт увеличить, — сказал после концерта в одном из подразделений боец-узбек Сайтаров.

Перед отъездом рокладцы Узбекистана боец рапортовал им:

— Моё обещание выполнено.

Большое впечатление произвели выступления бригады и на бойцов соседнего артиллерийского полка. После концерта артиллеристы попросили дорогих гостей пройти к ним утром на отдельную позицию.

Орудийные расчёты старшего сержанта Федоренко и сержанта Ниченко сразу же приступили к делу. Они старательно выискивали цель. Целую ночь провели они на переднем крае, восхитительные прожектора, по которым немцы ведут огонь. К утру цель была найдена.

Как только на отмеченную позицию прибыли артисты, командир части скомандовал:

— Огонь!

По знаку расчёты открыли орудия. Федоренко и Ниченко. Всего четыре снаряда понадобились артиллеристам, чтобы уничтожить прочно построенный немецкий дот.

— Это в честь вашего приезда.

За три недели узбекские артисты дали в нашем соединении десятки концертов. Приезд их превратился в большое и радостное событие.

А. МАРЬЯМОВ.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.

Вера ИНБЕР

Друзья

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Не раз я поэтам и наблюдала, как отправляются наши письма. Тут их при мне вскрывали, читали, выбирали, теряя свой характер свою индивидуальность, становились безликими. И такие минуты мне всегда казалось, что мой посланец утратил свою теплоту, растворился в каменном потоке чужих писем. И что трудно будет адресату встретить из этой безлунной ночи моего милого голоса.

Это было интересно, но мне так казалось.

Не вот сейчас — перед моей тревожной ночи читателей. И тут происходит обратное. На каждом листке я вижу человека. Каждая строка — живое слово, обращённое ко мне. Не письма — люди окружают меня. Мои товарищи и друзья. Судьба моя. Те, для кого я пишу.

Впереди, быть может, и с такой отчётливостью различаю черты своего читателя. Знаю, что он ждет от меня. Слышу интонацию его голоса. Мой читатель одобряет мою работу, благодарит меня, а иногда и упрекает.

Старший сержант Гончаренко, прочитав в «Ленинградской правде» первую главу моей поэмы «Пулковский меридиан» (он называет ее «Пулковская высота», и это его ошибка тёк покатна), пишет мне: «Конечно, посмотрю на прекрасное изложение, а немного обидеться на описание моего прожекторного луча. Я прожекторист и, как говорится, матрёшка своего рода оружия, поэтому меня обидело описание моего прожекторного луча. Вы пишете:

...Зенитчик
Прожектористу говорит: «Дай луч!»
И бледный луч на поиск крыла
Выдвигается, как грозная рука.
Дорогая тов. Инбер, прожекторный луч не «бледный». Яркость прожекторного луча только одно свойство яркости солнца».

«Конечно, практик, что вы едва ли первый упрекнули нас, прожектористов, в поэзии, но все же хотелось, чтобы вы описали нас более правдоподобно».

Итак, мой первый, что требует от меня мой читатель: правдоподобия. Волнующей точности. Правдивости...

Очень обязана я и нескольким моим товарищам ленинградским писателей побывали в Кронштадте. Мы выступали в на больших женщинах и на баке подлодка. У лётчиков и у «морских пехотинцев». Особенно мне запомнилось выступление у торпедистов. Торпедные катера мало приспособлены для литературных выступлений. Поэтому торпедисты принимали нас у себя в клубе.

Это своеобразное помещение некогда, очень давно, было броненосцем. Потерят свой плавучие свойства, старый корабль навсегда врос в воду у пристани. Он превратился почти в дом, но форма носа, фигура стен и особый, неистребимый запах моряка и непогоды изобличают морскую природу этого клуба.

Нас предупредили, что слушатели едва «мало искушены в поэзии» и что надо «постараться найти с ними общий язык».

Когда очередь дошла до меня, я рассказала бойцам о своём родном Ленинграде и об Одессе. Прежнюю полуразрушенная немцами, с прекрасным, полным грузовым портом румынского теперь, Одессе, конечно же, отдадут все тем же родным папам, советским городам, бесценно дорогим сердцу каждого, кто там родился. Я прочла свое стихотворение «Обращение к Одессе». И обвела глазами своих слушателей, и поняла, что общий язык у меня с ними найдет. Лучше и не приходится даже искать! Простое, прямое и, главное, полуутреннее слово быстро и безошибочно находит себе путь к сердцу читателя или слушателя.

Впоследствии мне передавали, с большим торжеством, и комбат-краснофлотцы, обо мне. «Что поэт. Свой, — сказали они.— Одесская закваска». И должна честно сказать, что никогда не один самый живой комплимент не доставил мне такого удовольствия, как это высказывание.

Что же касается слушателя, «менее искушённого в поэзии», то его миф. Такого не существует. Все наши слушатели хоть кое-нибудь на поэзии да понимают. Кроме того (и это очень существенно), многие по мне стайке пишут стихи.

Против моего стихотворения «Бей, враг!», бойц Георгий Адексенко (фамилию я не разобрала) пишет: «Дорогой товарищ Вера Инбер! Ваше стихотворение дошло до меня на далёком севере. В нем я услышал слова своей матери, осталшейся в Ленинграде».

Наталья Владимировна Сивоотенская, председательница колхоза им. Ленина, в Кировской области, Черновского района, уроженка Ленинграда, пишет мне: «Сегодня я получила в письме от одного ленинградского друга вашу маленькую сборник». И дальше: «Рождение хлеба — моя симфония, созданная которой я сейчас занимаюсь, и я думаю, что подарок удостоюсь поиграть на ней почёта. Мои ближние друзья, мой сын погибли от голода. — я во имя их поклонюсь лить страны такой урожай, который обеспечит жизнью другим друзьям и единоверцам. Это поможет им победить врага и отомстить за погибших».

В своем письме товарищ Сивоотенская цитирует мои строки о месте на «Пулковском меридиане» и строки Ольги Берггольц из «Ленинградской поэмы».

Н. А. Ефрос пишет: «Вчера дочка читала мне вслух отрывок из вашей поэмы «Пулковский меридиан». На войне я, при таких же обстоятельствах как и вы, потеряла внука. Он был так же смел и в жизни не уступок. Он как же должен был начать ходить в школу. В самые суровые дни Ленинграда он родился и погиб по дороге к солнцу. Отец его также погиб.

Сейчас мы с дочерью работаем в одном из колхозов Ивановской области. Мы потеряли родных и друзей. Мы вырваны из привычного уклада нашей жизни. Но себя у нас нет. Только вчера наши отцы вызвали нашу рыдания. И в то же время мы почувствовали, что мы не одиноки в нашем горе, что это горе наше — общее и мало стойко переносить его.

Сильна наша общая ненависть к врагу!»...

Эти выдержки из читательских писем можно было бы еще продолжить, но в этом нет надобности.

Основное и самое важное, что я хотела сказать, это то, что сейчас, в дни испытаний, в дни боёв с гитлеровской Германией, слово писателя, особенно слово поэта — такое, как никогда.

Я говорю «особенно слово поэта...». Быть может, это происходит потому, что поэтическая рифмой строка, подобно спорам растений, обладает способностью легко преодолевать большие расстояния и пускать ростки в «почву» сердца. Со всей силой отпущенного нам дарования, со всей силой любви к родине, со всей силой ненависти к врагу должны писать сейчас мы, советские поэты.

Г. ФЕДОСЕЕВ

Певец земли русской

К 70-ЛЕТИЮ М. М. ПРИШВИНА

«Вы прислали меня к себе пламенеющим и чистейшим русским языком. Ваших книг я совершенным умением признать глубоким почитанием слов почти физически ощущаешь вашу, что Вы изображаете, — так писал великий русский писатель М. Горький замечательному художнику слова Михаилу Михайловичу Пришвину. Эта весна является лучшим объяснением того эстетического очарования, которое мы испытываем при чтении книг М. Пришвина.

Вчера исполнилось 70 лет жизни и 40 лет литературной деятельности М. Пришвина.

Однако, вступив на свой второй, М. Пришвин не только не потерял неисчерпаемой живости поэтического восприятия окружающего мира, не утратил в расширении его внимания до той степени, когда о писателе можно и должно прямо сказать, что он

«говор древесных листов понимал,
ручьи рисунок девятый».

Редкая писатель так свободно владеет необъятными богатствами русского языка, как М. Пришвин, продолжающий своим творчеством лучшие традиции нашей классической литературы.

Страстный охотник, натуралист, краевед, газетный корреспондент, М. Пришвин много странствовал и путешествовал по своей необъятной родине и всюду черпал для своих произведений обильные наблюдения, которые затем находили чудесное воплощение в его творчестве.

Рассказы и повести Пришвина проникнуты глубокой любовью к родной земле. Эта любовь звучит в каждой строке его произведений, глубоко поэтических описаний русской природы.

Единство природы и человека — вот главная идея творчества М. Пришвина.

Пришвин — не пантеист. За разнообразием и кажущейся мистической таинственностью жизни природы писатель видит материальное ее начало. Не материальность природы лишает ее делает её место бессмысленным, неодухотворенным. Природа — это вечно живая и развивающаяся, творческая созидающая материя. Великое творчество природы является человек, так творчески преобразующий природу.

В этой идее — сила и поэтичность первой книги М. Пришвина «В краю непуганных птиц». И на всем дальнейшем пути творчества писатель не изменяет своей идеи.

Отсюда вполне естественная опора Пришвина на народное творчество. Выношенные столетиями народные мечты, сохранившиеся в сказках и легендах, находят в Пришвине трепетного почитателя, открывающего в поэтических мифах глубочайшее содержание.

В крупнейшем своем автобиографическом произведении — романе «Кащеева цепь» и в «Журавлиной родине» автор сурово осуждает силы принуждения и раскрепощения людей (в образе Кащеевой цепи) и утверждает освобождающую силу творческого труда человека. М. Пришвин глубоко убеждён, что «нет ужасней человека, оставленного творческим духом».

Всеобъемлющее творческое начало, которое воспевает писатель, выше претворение в революционной деятельности советских людей — строителей социализма и защитников родины. Это сближает, что поэтическое творчество М. Пришвина, его высокохудожественные произведения приобретают особую многозначительность в наши дни.

ИСТОРИЯ КРОНШТАДТА

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Вс. Вишневский закончил книгу «Крепость Кронштадт». Это литературно-художественный исторический очерк о непреступной крепости у ворот Ленинграда, заложенной Петром Первым 240 лет назад в горле Финского залива, и славной, полной героизма борьбе кронштадтцев с интервентами за всё время существования городаа-крепости. В архивах и библиотеках автором обнаружен интересный, мало известный доселе материал о боевых традициях кронштадтцев. Книга будет издана Ленинградским отделением Гослитиздата.

Старший военфельдшер Христина Бугай
Из ленинградских зарисовок Н. КОЛЕСОВА. Январь 1944 года.

«Письмо из освобожденного района».

Картина Р. ШПИГАЛЯ.

Павел БАЖОВ

О ПУТЯХ К ЧУДЕСНОМУ

ПИСЬМО ИЗ СВЕРДЛОВСКА

У старых уральских горщиков, искателей драгоценных и цветных камней, бытовало, да и теперь еще держится слово **изнарыш**. Употребляется оно и в научно-технической литературе.

Изнарышами называются вздутия и пустоты в пегматитовых жилах. В пору горообразования и вулканических извержений здесь, как об'ясняет академик А. Е. Ферсман, «начали кристаллизоваться все те элементы и соединения, которые в форме летучих паров насыщали расплавленную массу или же в ничтожнейших количествах были рассеяны в магме; по стенам пустот и трещин вырастают красивые кристаллы дымчатого кварца и нежного шпата; пары горного антрацита сгущаются в иголках турмалина, то черного, как уголь, то красивых красных и зеленых тонов; летучие соединения фтора образуют голубоватые, прозрачные, как вода, кристаллы топаза; калий, натрий, литий, рубидий и цезий выстилают полости огромными шестиугольными кристаллами лепидолита, тогда как берилл вплоть в гостах зеленых и голубых аквамаринов».

Горщики, в большинстве неграмотные, конечно, ничего этого не знали, но находить изнарыши умели иногда на очень значительной глубине. Так, недалеко от деревни Сарапулки, откуда вывезено огромное количество прекрасных прозрачных турмалинов или, как их называют, сибирских рубинов, есть «копь «Начитка», где на глубине 70 метров разрабатывались в разрушенном и измелённом граните жилы аметистов редкой красоты, окраски и прозрачности. Иногда изнарыши поражали своим об'ёмом и богатством содержания. Например, в 1900 году на берегах речки Адуя, по сообщению того же академика А. Е. Ферсмана, артель горщиков на несколько недель выбрала свыше 50 пудов чрезвычайно берилла на огромную по тому времени сумму, и редкими видами уходили отсюда ценные камни и прекрасные штуфы для минералогических коллекций.

Как на изумительны подобные находки, еще более удивительны наблюдательность, уверенность, терпение и мужество, с какими горщики прокладывали в крепчайших породах гранита путь к чудесному изнарышу. При разработках, случалось, теряли пегматитовую жилу, но почти всегда оказывались люди, которые, проследив нить за шмом разработку, находили первый путь к природной камненосной кладовке, где миллионы лет хранились драгоценности.

Простодушные люди склонны были рассматривать таких горщиков просто удачниками, счастливцами. Даже в академиком Данилле Кондратьевиче Зверове, которого знали и высоко ценили минералоги всей страны, иногда говорилось:

— Этому на камни всегда фартит. Два новых места нашёл и в стоках на самые хорошие изнарыши попадает. На удивление человеку вовет...

Те, кто ближе наблюдал Д. К. Зверева знали другое. Все видели, что он с работы, с разведок неизменно приносил в котомке немало камешков, не имевших рыночной ценности. Это были «знаки», «следы», «проводнички», «приметливые гадечки», «прилисы», по которым неграмотный геолог, как никогда знали Зверев, разбирался в месторождении не хуже тех, кто был вооружён полными научным знанием и даже геологической картой.

Нет, у Зверева был трудный путь. Недаром близкие звали его в старости «бурлушкой с тяжёлой котомкой».

Эта набитая камнями тяжёлая котомка старого горщика, всю жизнь исканного чудесные цветы земной глубины, вспоминалась теперь, когда организуется работа по сбору фольклора отечественной войны.

Можно не говорить об огромном значении этой работы, но в путях к родникам народного творчества говорить следует.

Надо сознаться, что здесь у нас пока чувствуется влияние старых фольклористов, которые шли по протоптанной дорожке к «бытующему в народе», уже понимая под «бытующим» только то, что уже полностью оформировано, вышло наружу, отшлифовано, отполировано и роскошно натёрто. В силу такого понимания романы, волшебные сказки, песенники Мусиных-Макушиных и К° в обход какой-то части населения, получая высокое звание народной песни. Перекатыши этого романа интересовались, а семейные предания рабочих и поворотливости деталями не интересовали на том основании, что эти рабочие предания ещё не имели законченной формы и «не бытовали» даже в пределах ближних селений.

Перестановка слов или замена одного другим в произведениях, записанных в известных обрядах, считалась событием. Об этом много говорили и писали. Но мало внимания предлагали «замечания» к «Истории Пугачёва», где А. Пушкин переделал слова старой казачки:

— Грех сказать, а на него мы не жалуемся: он нам зла не сделал.

А другой старик Д. Пьянов на вопрос о Пугачёве сердито ответил:

— Для тебя Пугачёв, а для меня он был великий государь.

Эти драгоценные «знаки», выступы рукой нашего народного гения, всё-таки остались мало замеченными, и родник народных орлов Пугачёва иссяк, не наливы живого живой волной народного творчества.

Это же нужно на Урале, где работает предлагая современно не записывалось, а теперь их сбор стал не менее трудным, чем поиски изнарышей.

Для примера расскажу о своем опыте работы над темой «Немцы в уральском рабочем фольклоре».

Старик-горщик из деревни Культура на вопрос о немцах стал рассказывать о немце-заводоуправителе Бреннере. Всё это уже было мне известно. Спрашиваю — не слышал ли что о «старинных» немцах. Мой собеседник вспомнил:

— Сказывали старики про одного немца. Он будто плуги гору проколотил и все жилы нервы сломал. Вот какой бритый!

Кроме этого мой собеседник ничего сказать не мог. Не беда, в другом районе я встретил старика, который дал прямой вариант этого же рассказа.

— Точно! Был такой немец! Над горами его начальником поставили, а он взял да одну гору и сплющил и еще полгору всех злющих немцев сделал.

По этим обрывкам эпизоду, немного знающему историю горнозаводского Урала, нетрудно догадаться, что речь идет о нашем Шембере, который в пору бироновщины захватил в свое владение гору Благодать с принадлежащими к ней заводами и «организовал» раздачу казенных заводов в частные руки.

Оказалось, что память об этом событии держится даже в тех районах, которые фактически не были задеты, по основной источник фольклора — по этому вопросу надо искать в районе горы Благодать: в Кушвинском, Лайском, Баранчинском заводах.

Если так обстоит дело с фольклором, который не успел вылиться в законченную форму в течение 200 лет, то фольклор наших дней, который еще весь в форме летучих паров и расплавленной массы, требует другого подхода. Здесь в ходу процесса надо уловить тончайшие оттенки.

Вот мелкий, но интересный пример. В одном из писем Новгородского завода попалась пословица — «на путёвкой на курорт». Применяется это исключительно к старшим-инженерам. Источник пословицы — действительный случай, когда одна работница, ранее имевшая на одном из крымских курортов, получила путёвку. Ей говорят: «Да ведь там фашисты», а работница отвечает: «Не всё же им там сидеть! Выгонят наших, — тогда и поеду, а чтоб путёвка сейчас была».

Случай этот запомнился, и он нашел свой отражение в пословице, пока известном на одном заводе. Может быть, широкого отклика это и не даст, но всё же это — частица фольклора отечественной войны, и это должно быть записано.

Не отрицая такого показателя, как «бытование», надо сказать, что ещё более важно другое: надо, чтобы найти новый фольклор отражал непрерывное народное творчество, зарождающееся в тех глубинных лабораториях, где сказывается чудесное, недоступное отдельному человеку, как бы он был не талантлив.

А. ЕВСЕЕВ

Возвращение Рыбкина

Итак, Антоша Рыбкин вновь появился на горизонте. Впервые мы познакомились с этим неунывающим армейским поваром в одном из первых боевых киносборников. Помнится, в острый момент боя он, сменив черпак на винтовку, с присущей ему ловкостью был оказавшимся поблизости фрицем.

Сейчас Рыбкин — в качестве главного героя большого фильма — попадает в более сложные переделки. Обстоятельства складываются так, что ему приходится выступать в спектакле фронтовой актёрской бригады. Переодетый в костюм фашистского офицера, он затем в таком виде попадает на поле сражения. Из этого проистекает ряд боевых приключений, которые должны служить испытанием смелости и сообразительности весёлого повара.

Можно было бы и не упоминать о первой встрече с Рыбкиным — настолько она была мимолётной и короткой, маловыразительной вначале, — если бы она не давала ключ к пониманию сильных и слабых сторон нового фильма.

Дело в том, что Антоша Рыбкин с самого начала был задуман как герой комедийного цикла. Он должен был переходить из фильма в фильм, всякий раз новому раскрывая качества своей натуры — природное остроумие, смётку, находчивость. Он — сродни неутомимому Василию Тёркину, весельчаку Гранаткину, рассудительному Фоме Смыслову и многим другим героям нашей фронтовой литературы, так или иначе воплощающим черты характера народа, характера русского человека.

А к числу отдалённых его предшественников не принадлежит ли отважный, искрящийся остроумием фламандский хлопыч Тиль Уленшпигель? Ведь Тиль тоже шёл по дорогам войны, по своей родной земле, истерзанной испанскими интервентами и немецкими ландскнехтами, шёл среди костров инквизиции и виселиц, и пепел сожжённого отца стучал в его сердце. И Тиль смело бился с врагами, никогда не теряя бодрости духа, храбростью и сметкой одолевая вражескую силу.

Часто задают вопрос: можно ли построить комедийный сюжет на материале такой простой и ожесточённой войны, как война советского народа против фашистских захватчиков? Не оскорбит ли это чувства участников боевой страды? Другими словами, мыслима ли вообще комедия на военную тему?

«Антоша Рыбкин» К. Юдина пешен прежде всего именно тем, что рассеивает подобные сомнения. Новый фильм,—по существу первая (и, в общем, удачная) кинокомедия на сегодняшнем материале. В этом — его неоспоримое новаторское значение. Авторы его подошли к сложной и ответственной теме с большим тактом. Их можно упрекнуть даже в чрезмерной сдержанности, робости при решении комедийных задач.

В зале, где показывают новую кинокомедию, смех раздается, пожалуй, слишком редко.

Здесь приходится говорить не о частных промахах в режиссуре, в актёрском исполнении, работе оператора, а в первую очередь о принципах построения фильма.

Мы недаром вспомнили историю рождения Рыбкина. Раскрытие этого характера и должно было стать сюжетным содержанием ленты. Между тем поиски комедийного в фильме пошли по каким-то иным, боковым путям.

Авторы искали смешное «вообще». Они принялись «обыгрывать» пошлика и обжору — администратора актёрской бригады, выдающего себя за художественного руководителя. Они старательно выдумывали забавные недоразумения, связанные с переодеванием Рыбкина. Они добросовестно ворошили испытанный набор комедийных трюков.

Но остроумие Рыбкина, которое могло бы засверкать всеми красками народного юмора, так и остлось нераскрытым. У героя нет запоминающейся шутки, умного и весёлого слова, остроты. У него нет, вообще, комедийной реплики. Не найдены в сюжете и поступки, в которых проявился бы характер героя, если не считать довольно натянутого эпизода, где Рыбкин, выдавая себя за фашистского офицера, увлекает немцев в реку и тем уничтожает. Вообще, Рыбкин в фильме скорее жертва того или иного стечения обстоятельств, чем активная действующая фигура (он неожиданно принужден заменить отсутствующего актёра, ему приходится бросаться в бой, не снимая театрального костюма и т. д.). И вот прекрасно задуманный характер оказывается тусклым, как плохо проявленный фотоснимок.

Это лишает исполнителя роли — Б. Чиркова интересных актёрских задач и его игра подчас теряет те качества живой непосредственности, внутреннего обаяния, которые особенно привлекали в кинотрилогии о Максиме.

Погоня за комедийным «орьяментом» увела талантливого режиссёра Юдина в сторону от главного. Могут спросить: о каком же увлечении идёт речь, если в фильме мало собственно комедийного, смешного? Но суть дела именно в том, что, не решив основной задачи, нельзя успешно решить остальные.

Поясним это небольшим примером. Вот один из комедийных фрагментов фильма. Актриса принимает переодетого Рыбкина за настоящего фашистского офицера и ударяет по голове. Рыбкин, оглушённый, падает наземь. Казалось бы, испытанный, верный комедийный трюк? Сколько раз мы видели, как так же ударяли по голове Чаплина, и он падал, и мы смеялись до слёз. Однако, на сей раз «трюк» не действует. Дело тут не только в лучшем или худшем актёрском исполнении. Дело — в ином. Неожиданный и незаслуженный удар по голове — привычный удел трогательного неудачника, которого играет Чаплин. Когда маленький человек в котелке и с тросточкой приближается к порогу, зритель заранее приготовляется смеяться: он знает, что Чаплин обязательно споткнётся. И тот спотыкается — такова самая сущность его характера,— и в зрительном зале раздается взрыв смеха. Но если так же споткнется Рыбкин, никто не засмеётся: это не подготовлено и не обусловлено характером героя.

Комедийная техника без художественного образа мертва.

Увлечение чисто внешним комедийным приёмом — первопричина творческих промахов К. Юдина. Это увлечение проявилось и в первой его картине, хотя там характеры героев были очерчены значительно ярче (симптоматично само её название — «Девушка с характером»). Оно же отрицательно сказалось на серии фильмов о Рыбкине.

К. Юдин — один из немногих кинорежиссёров, великом посвятивших свои силы комедийному жанру. Его творческая деятельность заслуживает всяческой поддержки. И лучшей формой такой поддержки может быть дружески пристрастное, требовательное обсуждение его произведений.

Тот факт, что советская кинематография продолжает настойчивые творческие искания в области очень важного жанра (едвойне необходимого в дни войны), сам по себе глубоко отраден. Хорошо, что режиссёр Г. Раппапорт делает музыкальную ленту «Воздушный извозчик» по сценарию Евг. Петрова; что Л. Трауберг ставит комедию «Артистка»; что не прекращается творческая разработка интересных комедийных сценарных заявок. Можно лишь пожалеть, что такие испытанные мастера кинокомедии, как Г. Александров, И. Пырьев, фактически отступились от большого творческого дела, которым они успешно занимались до войны.

Комедийный жанр всегда пользовался симпатиями зрителя. Эти симпатии не исчезли, а возросли в суровое военное время. В них нашёл свое частное выражение неистребимый оптимизм, в котором проявляется твёрдость народного духа, уверенность народа в своих силах, в своей конечной победе.

Вспомним, что в труднейших условиях осаждённого Ленинграда прошлой зимой создавались и с успехом шли новые музыкальные комедии. Горячий приём на фронте и в тылу встречает каждый новый комедийный фильм.

Кинокомедий надо ставить значительно больше. Но главной заботой творческого коллектива, работающего в этой области, должно стать повышение качества, дальнейшее совершенствование своего художественного мастерства.

Янис НИЕДРЕ

ЛАТЫШСКИЙ НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

В Латвии Андрей Упите при жизни приобрёл славу классика. Его имя и произведения широко популярны у народа. За сорок лет он написал более восемнадцати романов, шестнадцать сборников рассказов, семь пьес и несколько томов литературоведческих работ, критических статей, очерков.

В своих романах А. Упите глубоко реалистически рисует судьбу латышского народа на протяжении более двух веков его истории, вскрывает причины той неистребимой ненависти, которую латыши питают к немцам. В больших циклах романов — «Рубежники», «На рубеже двух эпох», в романах «У ворот Громовержца» и «Под железной пятой» А. Упите показывает подлинное лицо немецких господ-оккупантов и жизнь латышей под немецким ярмом. Герои Упитса проникнуты страстной жаждой мести, которая поможет народу преодолеть все тяготы немецкого владычества и сохранить свой творческий дух.

Исторические темы всегда занимали Андрея Упита. Он писал пьесы о Жанне д'Арк, о Мирабо, Клемансе Перье. Каждый год жизни писателя отмечен каким-либо новым произведением, будь то роман, сборник новелл или пьеса. Но особенно плодотворно работает Упите во время отечественной войны. Помимо множества пропагандистских статей, он написал девять больших рассказов, перевёл в стихах поэму Гейне «Германия» и написал лучшее своё произведение — трагедию «Спартак».

В последних рассказах Упитса действуют немецко-гитлеровские захватчики в разных странах и при различных обстоятельствах. В новелле «Потомок Роланда» Упите излагает историю молодого гитлеровца, этого «культуртрегера высшей расы», сконцентрировавшего в себе самые низменные, хищнические инстинкты. В новеллах «Клаус Брунис», «Трудовая повинность», «Сало, масло, яйца» Упите показывает вымуштрованных дикарей за «работой», в оккупированных странах, где народоубийское искусство гитлеровцев находит самое широкое применение. Никому из латышских писателей не удалось так всесторонне и психологически верно показать современных гуннов, как это сделал Упите.

Среди этих жестоких рассказов резко выделяется ясная, солнечная новелла о молодёжи — «Путешествие Виликиса на восток». Это повесть о латышском мальчике, который во время эвакуации исколесил громадные пространства советской земли, встречая всюду приют и ласку.

За выдающиеся заслуги в области латышской литературы, за литературную деятельность в период отечественной войны Президиум Верховного Совета Латвийской ССР присвоил Андрею Упитсу звание латышского народного писателя.

Л. ПЕРВОМАЙСКИЙ

СОЛОВЬИ

ПАМЯТИ КОМПОЗИТОРА МАКАРОВА

Три залпа тихо прозвучали,
И скрылся гроб в могильной мгле...
Мы не впервые постигали
Боль расставанья на земле,
И не в последний раз, в печали,
Замолкли мы, окаменев.
Мы выстрелами присягали
На верность, на священный гнев.
В лесу когда-то, ночью мая,
Быть довелось мне вместе нам...
Грусть, давились мы, внимая
Полузабытым соловьям.
Едва знакомы, непохожи,
Мы братски слушали вдвоем,
Как птицы, темноту тревожа,
В ночи звенели серебром.
Мы спали на одной шинели,
Сидели вместе за чайком,
Болтали о недавнем, пели,
Из-под золы кура тайком
Играл он песенку простую
Нам на гармонике губной.
А ветер трогал сень густую,
И на заре начнется бой...
И нам не думалось, что каждый
Себя навеки отдает, —
Вставал дневной не однажды
Тревожный, словно жизнь, восход
Когда же из укрытий пушки
Загрохотали все сильней,
На вековой густой верхушке
Зашелся песней соловей.
Над ближним озером, над лесом,
Над степью, что вдали легла,
Над смертью, кровью и железом
Та песнь победная текла.
Такой на свете нету силы,
Чтоб мы с дорог своих сошли,
Чтоб мы забыли про могилы,
Где вы, товарищи, легли.
И вспоминая встречи наши,
И эти смертные бои,
К могилам тем вернемся раньше,
Чем там засвищут соловьи.

Перевод Веры Звягинцевой.

Ю. ГОЛОВАЩЕНКО

„ВАРВАРЫ" В ГОРЬКОВСКОМ ТЕАТРЕ ДРАМЫ

Высокий берег реки, а на другой её стороне — утопающий в зелени маленький город. Спиной к зрителям, на бугре, прямая фигура в чёрном — человек смотрит на расстилающиеся перед ним горизонты. Это инженер Черкун — на пороге «огненной земли», варварской, патриархальной России, земли, которую он должен преобразовать. Такова центральная мизансцена первого акта «Варваров» на сцене драматического театра г. Горького (постановка Н. А. Покровского).

И в том же первом акте, во внимательном взгляде Надежды Монаховой, устремлённом на Черкуна — вопрос и ожидание, утверждение и требование. Кто он, этот человек? Что принесёт он в застоявшуюся жизнь? Когда опускается занавес, этот вопрошающий взгляд Надежды долго не забывается. В горьковском спектакле крушение Черкуна раскрыто прежде всего через образ Надежды (арт. М. Прокопович). Именно её напрасная вера в то, что пришел, наконец, настоящий человек, её трагедия, её смерть беспощадно обнажили варварство «цивилизаторов». Мысль Александра Блока о том, что Монахова «и есть «человек» — истинная героиня пьесы...» — получила в этом спектакле полное оправдание.

Когда во втором акте Надежда роняет на землю цветы, и красные маки рассыпаются у ног Черкуна, когда в третьем акте она уходит за Черкуном в глубину сада, и её глаза смотрят странно и тревожно — судьба Надежды становится судьбой пьесы.

В глубине темной комнаты (четвёртый акт), у маленькой настольной лампы. Надежда сидит с Черкуном, и только её лицо выплывает из черноты огромной и пустынной квартиры. Глаза Надежды, озарённые огнём, полны огромным, наконец-то найденным счастьем. А позже, в финале пьесы, на авансцене, совсем перед зрителями, она говорит: «Никто не может меня любить... Никто». И вдруг становится пустым её взгляд: «Вы убили человека». Эта мысль звучит в спектакле раньше, чем Монахов произнёс её. М. Прокопович, как и многие другие исполнительницы этой роли, не избежала излишне заострённой внешней характеристики образа — чересчур медлительна её речь, чересчур торжественна поступь. Но актриса и постановщик так отчётливо подчеркнули главное в характере Надежды — непримиримость её требовательности, страстность её мечты — что излишняя сгущенность красок не заслоняет существа образа...

Своеобразно толкование Н. Покровским образа Черкуна. Артист убедительно показывает сложность характера этого бездушного эгоиста. В пьесе даже его положительные поступки — холодны, формальны. Если можно так сказать, у Черкуна есть принципы, но нет идеалов. Поэтому так быстро и гаснет его пыл. Покровский изображает Черкуна иначе. Черкун Покровского вызывает симпатию, рассказывая о том, что было время, когда его унижали. Но разве для Черкуна главное то, что он страдал? Важнее то, что он ненавидит. «Мне очень нужно посчитаться с людьми», — в этих его словах ключ к образу. Своей трактовкой Покровский полемизирует с нередким на нашей сцене исполнением роли Черкуна, лишающим его каких бы то ни было элементов человечности и поэтому упрощающим горьковский образ. Однако мера обязательных чёрточек в характере Черкуна у Покровского перешла должную грань, отчего главная тема этого «цивилизованного варвара» — холодный эгоизм «конквистадора на рубеже двадцатого века» — несколько потеряла в своей остроте.

В спектакле неожиданно и по-новому трактован образ Павлина Головастикова (арт. А. Исаков). Это — все и всех ненавидящая, злобная душа большой силы. Своим всюду проникающим взглядом он утверждает вечную нерушимость, незыблемость старого мира. Рядом с таким Головастиковым особо трогательным становится Монахов, которого блестяще играет засл. арт. РСФСР В. Соколовский. Его Монахов тоже видит всё насквозь, понимает всех людей. Но если Головастиков ненавидит всё человечество и каждого человека в отдельности, то Монахов всех понимает своим исстрадавшимся сердцем. Когда Соколовский произносит фразу — «Вы все прекрасные люди, и я хороший человек... Главное не надо мешать друг другу», в его интонации звучит трагедия маленького человека, никому ненужного и одинокого в жестокой, варварской жизни, раздавившей его.

Третий акт спектакля кончается сценой, когда в темном саду пьяные фигуры вокруг хохочущего Цыганова возникают в слепящих бенгальских огнях, как уродливые призраки. Это «покойники» — и к ним всем должно быть обращено уничтожающее слово Надежды. Несмотря на трагический финал пьесы, спектакль рождает торжествующую мысль, что варварству нет больше места на нашей земле.

Ю. КЕЛДЫШ

УКРАИНСКОЕ ТРИО ЛЯТОШИНСКОГО

Выдающийся мастер украинского музыкального искусства, Б. Лятошинский во время отечественной войны написал много интересных и значительных произведений в различных музыкальных жанрах.

Среди этих произведений лучшее — серия романсов на патриотические тексты советских украинских поэтов и трио № 2 — для фортепиано, скрипки и виолончели. Особенный интерес представляет трио, открывающее цикл задуманных автором крупных инструментальных произведений. Им всем присущи ярко выраженный национальный характер и глубокая стилистическая связь с народными первоистоками.

Вместе с тем, это не простые обработки народных мелодий. Проникнувая музыкальную ткань своих сочинений народно-песенными элементами, композитор пользуется ими весьма свободно.

Трио Лятошинского неоднократно передавалось украинским радиокомитетом на фронты отечественной войны и для оккупированных областей Украины, а также исполнялось в открытых концертах в Саратове. Произведение это, получившее высокую оценку музыкальной общественности, — ценный вклад в советскую камерную литературу.

Трио — это поэма композитора-патриота о своей родине.

Как в способах использования народных элементов, так и в общем характере трио явственно ощущается связь с традициями русской и украинской национальной музыкальной классики. Местами чувствуется близость и к Чайковскому, и к Бородину, и к Мусоргскому. Однако речь может итти здесь не о буквальном подражании, но о самостоятельной творческой переработке образов и приёмов, близких композитору по своему внутреннему строю.

Форма трио своеобразна: оно состоит из обычных для крупного инструментального произведения четырёх частей, но их связь и последовательность отступают от общепринятой схемы: это как бы цикл самостоятельных пьес, в целом образующих род свободной рапсодии.

Первая часть трио — вдохновенная, патетическая интродукция, выдержанная в широком эпическом складе и напоминающая вступительную импровизацию кобзаря-бандуриста перед началом своего повествования.

Затем следует чудесная, глубоко выразительная «Дума», в которой звучит скорбь, смягчённая лирической задушевностью и нежной теплотой. В основе этой части — две темы. Первая из них — подлинная мелодия украинской народной песни на слова о печальной женской доле. Композитор мастерски пользуется различными инструментальными красками для усиления её выразительности. «Пустые», далёкие звучания одновременно сопоставляемых крайних регистров оттеняют выражаемые чувства тоски, печали и страдания.

Третья часть, поэтическое «Интермеццо», образует светлый контраст скорбной и сосредоточенной «Думе». Однако в ней продолжает господствовать тот же мягкий и интимный задушевно-лирический колорит.

Последняя часть, самая значительная и интересная по своему замыслу, написана в виде вариаций на тему украинской народной песни — «Гей, у лісі, лісі». Вариации построены свободно, и некоторые из них носят характер самостоятельных небольших пьесок. Первая группа вариаций сравнительно проста, в них ещё не нарушается мягкий, задумчиво-нежный и певучий склад темы. Далее, однако, она предстаёт во всевозможных превращениях и приобретает то неожиданно мрачный и драматический, то весёлый и шутливый, то какой-то причудливо-фантастический, то мужественный и энергичный характер. Всё это приводит к патетически звучащему, яркому и насыщенному заключению.

Трио Лятошинского — значительное событие в развитии украинской инструментальной музыки.

Кипучая творческая деятельность Лятошинского в период отечественной войны — одно из ярких свидетельств непрекращающегося роста украинской музыкальной культуры.

Кадр из фильма «Антоша Рыбкин» (Центральная об'единённая киностудия). В центре — Б. Чирков в роли Рыбкина.

А. ГУРВИЧ

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Книжка Соболева «Одно желание» открывается рассказом «Ночь летнего солнцестояния». Ночь на 22 июня, открывшая войну.

Война ещё не началась, вот-вот сверкнут её молнии, «но для тральщика это была просто третья ночь беспокойного дозора». Капитан заметил подозрительный транспорт противника на «ничьей воде». Вскоре на другой стороне показались и военные катера. Грозя войти в советские воды, подходя к ним вплотную и поворачивая в самую последнюю минуту, они дразнили, притягивали, приманивали к себе советский тральщик, чтобы дать возможность транспорту выполнить свою диверсию.

И вот началась игра, игра, в которой спокойствие и тревога, твёрдые решения и колебания, меткость и расчёт, жажда расправы и самоограничение были неразлучны и тянули в две разные стороны не только тральщик, метавшийся между транспортом и катерами, но и сердце человека, стоявшего на капитанском мостике.

«Ночь летнего солнцестояния»—это рассказ о несостоявшемся бое, о том, что могло быть и не произошло, о том, как это не происходило, не свершалось. На «ничьей воде» с неизмеримыми, условными линиями границ разыгрывалась сложная шахматная партия, обоюдоострая, напряженная до крайнего предела.

Партия окончилась в ничью. «Ничья вода» осталась ничьей. Но в эту ночь политрук Костин увидел, как изменилось лицо капитан-лейтенанта Коли Новикова. Это произошло в ту минуту, когда в сознании командира, наблюдавшего за манёврами противника, вдруг с ослепительной ясностью вспыхнуло слово «война». Оно «вмиг иссушило живое, почти мальчишеское лицо... стянуло молодую кожу глубокой складкой у бровей, отняло у глаз их влажный юношеский блеск, сухими сделало полные губы».

Сила рассказа, его суровая власть над читателем—в наэлектризованной до отказа атмосфере предгрозья, в безмолвном пафосе борьбы: «боевая тишина», «бесцветное дыхание топок», молчание пушек, готовых вырвать каждую секунду, и молчание людей, принявших страшную весть о войне, «не разменная ненависть к врагу на краски и утроны».

Когда тральщик выдавливал мины, буквально полная брюхом по их длинным рожкам—этим «обнаженным нервам, не терпящим прикосновения», «напряжённая опрокинутая тишина стояла на мостике, на палубе, в машине, в кочегарке». Теперь надо было только ждать своей судьбы, и вахты всех краснофлотцев были с неотразимой, гипнотической силой прикованы к нижней части корабля. «И только двое, подняв головы, смотрели на небо: это были два сигнальщика, искавшие в голубой зрной высоте чёрную точку». Вражеский самолёт мог появиться в любую минуту.

На фоне группы застывших в ожидании, склоненных людей эти две фигуры с высоко поднятыми к небу головами, не в молитве, а в зоркой бдительности, врезываются в память, как скульптурный образ мужества и воли гордых людей, способных перегрызть не только любой шторм, но и самую смерть.

Если не всякий писатель прельстился бы рассказом о несостоявшемся сражении, то ещё меньше охотников нашлось бы описать то, что составляет содержание рассказа «Все нормально», о котором сам автор говорит: «это было монотонным напряжением, совсем не похожим на острую напряженность боя».

Маленькая подводная лодка, любовно прозванная моряками «Малюткой», идёт на север в трудный и опасный поход. Мы не знаем ни начала, ни конца этого похода, не знаем ни задания, ни операции, в которой оно будет выполнено. «Малютка» всплывает внезапно, среди моря, в жестокий шторм, давно загнавший в гавани даже самые большие корабли.

Можно было бы спокойно плыть под водой, если бы в аккумуляторах не иссякли запасы электроэнергии, которую можно накопить только на поверхности. Можно было бы, хотя бы время от времени, уходить под воду, если бы командир не решил итти к цели с полным запасом электроэнергии. И вот он стоит на мостике корабля одинокого на всём пространстве Балтийского моря, бушующего, грозного, бросающего на «Малютку» миллионы тонн упругой ледяной воды.

Уже давно ослеп обледенелый перископ, и шапка командира сливалась с воротником пальто в ледяной колпак, и неумолимый холод пронизал валенки, уже поднятый командиром боевой флаг страны не развевался, а стоял, как «лист поднятой жести» с едва мерцающей под мутной глазурью льда красной звездой, уже «Малютка» стала походить на «ледяг,— но лодка упрямо шла на север, на север, наперекор стихии, в логово врага, туда, где её появление в этот шторм покажется чудом самым бывалым морским волкам.

Но это рассказ не о чуде. Наоборот, мысль автора направлена на то, чтобы непостижимое стало понятным, объяснимым. «Всё нормально». Здесь действительно всё нормально, но это норма титанов воли, это норма героев. И в то же время это сила духа простых смертных. Оставаясь верными природе, Соболев не даёт ей вырваться за пределы физических возможностей человека, как это бывает у слабосильных романтиков, теряющих сознание от восторга перед своим героем.

Дьявольская, упрямая воля командира «Малютки» не одинока, и в крайнюю минуту к ней приходит на помощь дружба. Переговорная трубка и люк соединяют командира с его командой, с комиссаром. Эта кучка людей там внизу, взаперти, ведёт борьбу с невидимой им природой за жизнь своего командира. Через переговорную трубку комиссар просит командира прогнуть ногу в люк. Застывшая нога обволакивается теплом. Её растирают обжигающим спиртом, закутывают в тёплые куски шерсти, которые нарезал из своего одеяла комиссар, обувают согретым на электрической печке валенком. Затем командир опускает в люк вторую ногу и так поочерёдно, в промежутки между накатами воли, своеобразная кухня готовит для командира спасительное блюдо, и весёлый голос кричит ему наверх: «Товарищ старший лейтенант, горяченьких, с пылу, с жару!»

Неожиданно звучат эти простые житейские слова в бушующем царстве леденящего шторма. В них—горячее дыхание дружбы.

В «Грузинских сказках» герои рассказа оказываются в положении, достигающем наивысшего драматизма. Они в подводном плену. Над ними гробовой крышкой распростёрся сплошной ледяной покров.

Первым понял положение капитан-лейтенант. Затаив в себе тревогу, он охранял спокойствие команды, но вскоре беспокойство овладело и другими. Краснофлотцы молчали. Молчал капитан. Он «подолгу задерживал на них взгляд, как бы оценивая каждого заново». Три часа полного курса, три часа безмолвного ожидания, и все-таки опять, опять этот жутчий толчок в гробовую крышку.

Лодка опять ушла в глубину. Энергия была на исходе. Нависла угроза страшной, безвестной гибели, не в борьбе, а в беспомощном ожидании конца. Надо было ждать молчь. И в то же время надо было облегчить людям это длительное испытание, сделать его посильным. Капитан взял книгу,—это были «Грузинские сказки»,—и стал читать «сосредоточенно, иногда усмехаясь и переворачивая страницы, чтобы перечесть понравившееся место». Это видели краснофлотцы. И только боцман Вялов увидел то, чего не заметил никто. Когда командир поднял глаза на часы, боцман поймал однажды его взгляд. И такое подметил боцман в усталых, воспалённых глазах капитан-лейтенанта, что «дрогнуло в нем сердце, и циферблат глубомера на миг заволокся радужной плёнкой».

Мужество было вознаграждено. Люди спаслись. И когда капитан, поднявшись по трапу, открывает люк, и «весёлые мелкие льдинки обдают его звенящим душем» и «свежий морозный воздух хлынул в рубки», читатель впервые вместе с героями рассказа вдыхает полной грудью.

В морских рассказах Соболева показан главный герой войны—непреклонный, непобедимый человек, сила которого возрастает вместе с опасностью. С этой стороны герои Соболева для нас — проверенные, испытанные люди. Но ничего больше мы о них не знаем. И поэтому истоки их мужества, его особая для каждого человека природа остаются для нас закрытыми. Три капитана, с которыми мы познакомились, прожили разную жизнь, у них, видо полагать, и разное прошлое, и возраст, и склад ума, и черты характера, но если бы они обменялись своими кораблями, рассказы Соболева сохранились бы полностью. Их не пришлось бы изменять, так как все герои раскрыты здесь только в том, что их неотличимо сливает в триединую фигуру.

Это рассказы о незнакомых людях, ещё точнее, это—первые встречи с ними. Автор не знает прошлого своих героев, не знает, какими путями пришли они к решающей минуте своей жизни; он не вторгается в сокровенное, не читает их затаённых мыслей. Соболев здесь — только «свидетель», чрезвычайно точный, наблюдательный, глубоко заинтересованный, но ограничивший своё право рассказчика исключительно тем, что можно было непосредственно **увидеть и услышать** на месте происшествия. Он отказывается от перевоплощения. И это самоограничение Соболев не только не желает сделать незаметным, но, наоборот, всячески его подчеркивает, как единственно достоверный приём, гарантирующий его от вопроса: «откуда вы это знаете?»

Ко всякому душевному движению своего героя он подходит осторожно, останавливаясь на пороге между видимым и невидимым, не решаясь переступить его.

Переживания героев выражены только в заметных кем-либо изменениях лица. За одну ночь на много лет повзрослел командир тральщика, а в усталых, воспалённых глазах командира подводной лодки появилось что-то новое.

В одном из рассказов Соболева есть следующие строки:

«В боях и в вечной к ним готовности военным людям некогда разговаривать друг с другом о своих чувствах. И чувство их, как жемчуг, оседает сгустком плотным и драгоценным. Но сердце живёт и тоскует и жаждет открыть неизсказанные никому свои тайны. И вот в тихой беседе с гостем, случайным человеком, готовым слушать всю ночь, в такой ли землянке под грохот снарядов, в окопе ли в ночь перед наступлением, в каюте ли идущего в бой корабля,—военные сердца раскрываются доверчиво и жадно».

И такое увидишь порой в прекрасной и простой их глубине, что и сам воин, и подвиги его освещаются новым светом».

Но такой беседы не было ни на тральщике, ни на «Малютке», ни на лодке, метавшейся в подводном плену, и Соболев проходит мимо того, что считает самым драгоценным, что осветило бы новым светом и самого воина и его подвиг. А ведь место поэта именно там, где «сердце живёт и тоскует и жаждет открыть неизсказанные никому свои тайны». Этот тайный мир подвластен художнику и открыт ему даже тогда, когда у его героя нет слов для выражения своих чувств. Достоверность их не нуждается ни в каких доказательствах. Они утверждают себя своей человечностью, поэтичностью, своей способностью нас волновать.

Мы так и не узнали, о чем думал в долгие и томительные часы капитан-лейтенант, держа в руках «Грузинские сказки». Как расширился и углубился бы рассказ, если бы мысли этого молчаливого человека были раскрыты. Они соединили бы море с землей, настоящее — с прошлым и ещё более сблизили бы нас с капитаном.

И все-таки морские рассказы Соболева, несмотря на то, что автор в них, как мину подводную, обходит «неизвестную величину»,—производят сильное впечатление. Они кажутся нам лучшими не только в книжке Соболева, но и во всей «морской библиотеке» отечественной войны.

Мы не стали бы делить рассказы, собранные в книжке «Одно желание», по географическому признаку, если бы не случилось так, что все рассказы о море здесь наиболее земные, а «наземные» часто отрываются от реальной почвы. Подводное царство у Соболева не только под названием «Все нормально», но даже тогда, когда оно названо «Грузинскими сказками», не сказочно, между тем как о некоторых других рассказах нельзя не подумать: «сказки». И если Соболев, как человек, отдавший все свои мысли и чувства войне, действительно об'единил эти рассказы одним желанием, то, как художник, он здесь разлагается. От суровой действительности, от людей, борющихся с грозной опасностью без слов и заклинаний, с предельной мускульной и волевой энергией, он обращается к идеям «святой лжи», при помощи которых хорошие люди призваны оберегать слабых и несчастных.

Не разные герои, конечно, дают нам основание говорить о раздвоенности художника, а сказавшееся здесь различное эстетическое восприятие действительности.

***

Тонкая артистическая натура в нужную минуту обнаружит свою отзывчивость, способность к самоотверженности и подвигу. В последнее время в художественной литературе эта идея стала навязчивой. Нам пришлось прочитать ряд весьма занятных пьес, сценариев и рассказов, в которых скрипка, баян или песня побеждают танки, побеждают страх, ведут дрогнувших в атаку.

В одном сценарии этот союз искусства с мужеством и героизмом освящен даже эмблемой: открывается экран, на нем герб —скрипка и ружье, наложенные крест-накрест.

Отдал свою дань этой идее и Соболев.

Парикмахер Леонард — мастер своего дела и скрипач. Заваленный в бомбоубежище с другими людьми, он, обливаясь кровью, водворяет спокойствие, прибегнув к благородному обману. Он сообщает испуганным, плачущим людям, что находится у отдушины и держит связь с внешним миром. Он кого-то вызывает, о кем-то разговаривает, спрашивает, как идут раскопки, даёт советы, сообщает товарищам по несчастью, что слышит уже удары мотыг и лопат. И всё это игра чуткой артистической души, проникновенная человеколюбием.

Очень хотелось бы верить, и все же не верится, что эта игра могла успешно продолжаться целые сутки, что в течение такого долгого времени никто из многих людей, ждущих спасения, не проявил ни любопытства, ни нетерпения, чтобы при-

Окончание см. на 4 стр.

В. ЭРМАНС

„КОТ В САПОГАХ“

В МОСКОВСКОМ ОБЛАСТНОМ ТЕАТРЕ ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ

А. М. Горький неоднократно указывал на то, что с детьми надо говорить на языке, понятном им, но всегда серьёзно. Этому справедливому указанию А. М. Горького должно сейчас особо строго следовать. Когда читаешь книгу рассказов детей о войне — «Слово предоставляется детям» Л. Чуковской и Л. Жуковой, становится ясно, какою необыкновенный зритель заполняет сейчас детские театры.

Следует сказать, что два серьёзных спектакля Московского областного театра — «Слуга двух господ» и «Кот в сапогах» — этому зрителю и близки и понятны.

Советский драматург П. Малиновский на основе сказки Перро написал оригинальную пьесу отнюдь не сказочной темы — «Кот в сапогах». Её идея, её мысль перекликается с сегодняшним днём. Драматург разговаривает со своим зрителем серьёзно и умно. В пьесе нашли отражение думы и чаяния юных патриотов, уверенных в победе света и разума над мракобесием и варварством.

Мужество Кота и смётка Труфальдино («Слуга двух господ»), изыскивающего выход из самых, казалось бы, безвыходных положений, встречают у юного зрителя восторженный приём.

Маркиз Синяя Борода, его тётка и министр Де-ля-Рош — сильные, хищные, жестокие и коварные враги. Бороться с ними и победить их — дело не шуточное. Это требует огромного напряжения сил, воли, умения, ловкости и находчивости. Обладателем всех этих завидных качеств и является Кот. Он благороден, смел в защите своего хозяина. Жаль, безжалостно брошенного в тюрьму кровожадным маркизом, именем, которого матери пугают непослушных ребят.

Дети отдают все свои симпатии Коту. Они полюбили его за бесстрашие, волю, ум, находчивость и весёлый нрав. Каждый уход Кота рождает восторг в зрительном зале. За то Осёку вызывает у детей чувство досады и раздражения. Осёл добродушен, но трусливо, из-за его страстишек и слабостей — он лакомка, чревоугодник, сони и лентяй — чуть было не сорвалась благородная борьба Кота.

О достоинствах крестьянина Жака в пьесе много говорят, но сам он по воле или, вернее, по недосмотру автора появляется как эпизодическая фигура лишь в первой и последней картинах и совершенно не остаётся в памяти молодого зрителя. Схематичен и обрыв принцессы Клотильды.

К. С. Станиславский называл режиссёрам и актёрам детских театров «играть для детей так же, как для взрослых, но только лучше». В Московском областном театре ощущается вдумчивое, серьёзное отношение к искусству, любовь к зрителю.

Кота и Труфальдино играет артист И. Каваков. Обе роли он ведёт умно, расчётливо, просто и сдержанно. В Коте Каваков очень живописен — точь в точь, как на рисунках Гюстава Доре, в Труфальдино — излишне буйничов и серьёзен, больше деловит, чем весел.

Интересно и смело построил артистов Г. Царевым образ маркиза д'Обиньи, прозванного Синей бородой. Улыбаясь, творит маркиз свои гнусные, кровавые дела. Деспот и садист, он прикидывается то влюбленным женихом, то почтительным племянником, то беспечным дуэлянтом.

Черты фейербаховского Мефистофеля любопытно ожили в короле, которого играет артист В. Токарев, он же постановщик пьесы «Кот в сапогах».

В спектакле много музыки, написанной композитором С. Кондратьевым. Мелодичная песенка о серебряном кролике легко запоминается ребятами.

Театр, руководимый В. В. Тезавровским, играет не только в Москве, но и в Подольске, Коломне, Воскресенске и Серпухове. К этому обязывает его само название — Московский областной театр юного зрителя. За 10 лет существования молодого театра его спектакли смотрели миллионы комсомольцев, пионеров и октябрят столицы и области. За это время областной театр вырастил и воспитал крепкий творческий коллектив.

Иллюстрация к повести С. Голубова «Багратион» — работы художника Н. В. КУЗЬМИНА (Детгиз).

По Советской стране

МОЛОТОВ. По инициативе Молотовского отделения Союза советских художников начато общерайонное социалистическое соревнование по подготовке выставки «Урал в отечественной войне». Призов молотовцев на соревнование принят Свердловским отделением Союза художников.

ТАШКЕНТ. Премьеру пьесы А. Брушштейн «День зимы» — о борьбе чешского народа против гитлеровских оккупантов — показал Театр им. Ленинского комсомола постановкою С. Гиацинтовой, художник М. Кнорре.

ЧЕЛЯБИНСК. Областное отделение Союза писателей подготовило к печати литературно-художественный альманах «По славу отчизны». В нём войдут произведения, созданные в период отечественной войны. В отдаче прозы печатается уральская повесть Ф. Панферова «Рука отжималась», рассказы Н. Костина «Пароль с Украины» и К. Левина «На стадионе». В разделе поэзии помещены стихи поэтов г. Челябинска и области: М. Лапова, А. Гольдберга, Г. Погалова, Л. Куросова, Л. Решетникова, Г. Рубинтейна и др. Критика и литературоведение представлены статьями Вл. Воронова, К. Большакова и Ф. Майского. Альманах «По славу отчизны» принят к изданию Челябгизом.

ФРУНЗЕ. После двухмесячного пребывания на фронтах отечественной войны во Фрунзе вернулась бригада работников искусств Киргизии в составе народной артистки Киргизской ССР С. Киньбаевой, заслуженных артистов Мусы Бектова, Б. Халатова, М. Мамкуровой и др., руководителя бригады — поэта Б. Бижиномова и зам. декана искусств композитора Л. Валитова. За время пребывания на фронтах бригада дала 111 выступления, из них 83 — непосредственно на передовых позициях. Указом Президиума Верховного Совета Киргизской ССР участники бригады награждены грамотами и ценными подарками.

КУЙБЫШЕВ. Куйбышевской филармонией создана студия эстрадного искусства для подготовки молодых кадров артистов эстрады. В студии обучается 45 человек. Учащиеся отобраны в рабочих и школьных кружках художественной самодеятельности. Руководитель студии — Н. Адгин, режиссёр — балетмейстер Большого театра Р. Захаров. Первая программа студии будет показана к дню 25-летия Красной Армии. Программа эта состоит из специально написанных героических и лирических песен, сюжетов, танцовальных номеров.

СВЕРДЛОВСК. В филармонии состоялись концерты пианиста Льва Оборина, скрипача Давида Ойстраха и квартета им. Вильома. В программе — фортепианные произведения Дебюсси, Равеля, Шопена, Грига, концерты для фортепиано и скрипки Шуссона и редко исполняемый концерт Франка для квартета, скрипки и фортепиано.

МХАТ—ремесленным училищам

8 февраля в Октябрьском зале Дома союзов состоялась первая встреча артистов МХАТ с учащимися ремесленных училищ и школ ФЗО, над которыми Художественный театр взял шефство.

После доклада В. Виленкина выступили А. Тарасова, М. Тарханов, Б. Добронравов, К. Еланская, В. Топорков, С. Пилинская, С. Яров и другие, исполнившие сцены из спектаклей «Любовь Яровая», «Мертвые души», «Бесприданница» и др.

Книги для юного читателя

В плане Государственного издательства детской литературы на 1943 год центральное место занимают темы великой отечественной войны. Готовятся, а частично уже подготовлены к печати книги о советских полководцах, командирах, о городах-героях Ленинграде, Севастополе, Сталинграде, о партизанах. В ближайшее время в этой серии будут выпущены: повесть Л. Соловьева «Степан Полосухин» — о юноше-моряке Черноморского флота и книга А. Бека «6-е декабря» — о разгроме немецкой армии под Москвой в 1941 г.

Героическому прошлому русского народа посвящено в плане Детгиза 9 изданий. Готовится к печати фундаментальное издание в двух томах — «История нашей родины» в художественных очерках и рассказах. Выпуск этого издания поручен специальной редколлегии, возглавляемой тов. В. П. Потёмкиным. Всюду Детиздат выпустит новую повесть С. Голубова «Багратион».

В плане издательства на 1943 год — книги о труде, школе и быте, об учащихся ремесленных школ и школ ФЗО, заменяющих кадровых рабочих, мобилизованных в армию, о школьниках, работающих на колхозных полях, о юных натуралистах. В этой же серии будут даны рассказы о моральном облике инженера, о правилах его поведения, о дисциплине, семье и дружбе, о военной подготовке в инженерном отряде и др.

Около 30 изданий посвящает Детгиз произведениям русской классики, которая издаётся в соответствии со школьными учебными программами. В ближайшее время выходят «Недоросль» Фонвизина, избранные стихи Пушкина и сборник, включающий стихи Никитина, Толстого, Майкова, Плещеева, Тютчева, Фета.

План предусматривает также выпуск научно-познавательной литературы. Здесь большой интерес представляет книга «Урал — земля золотая». Книга эта написана пионерами и школьниками Свердловской, Молотовской и Челябинской областей. Издаётся также серия биографий великих людей, русских писателей и учёных.

Планом намечена также к выпуску серия приключенческих рассказов лучших русских и иностранных мастеров фантастического жанра.

Детгиз выпустит книги С. Маршака — «Жаркие буквы», С. Михалкова — «Моя улица» и «Побоище», сборник сказок, песенок и загадок К. Чуковского — «Чудо-дерево», сборник песен, стихов, сказок и рассказов для малышей — «Алёнушка», сказку Погорельского — «Черная курица или подземные жители», вышедшую впервые в 1829 году.

В связи с исполнившимся в этом году 150-летием со дня рождения Майн-Рида, Детгиз выпускает «Всадник без головы».

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

10 февраля в Наркомпросе РСФСР открывается совещание по вопросам детской литературы.

Совещание откроется вступительным словом народного комиссара просвещения РСФСР тов. В. П. Потёмкина. Затем состоится выступление Алексея Толстого на тему о роли советского писателя в создании детской художественной литературы.

Отчётно-перспективный доклад о работе Детгиза сделает главный редактор издательства А. Наумова. Проф. В. Марков расскажет о требованиях школы к детской книге. Выступление проф. Н. Желобенского будет посвящено организации педагогического руководства детским чтением.

ДИПЛОМЫ УЧАСТНИКАМ ВЫСТАВКИ «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА»

Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР учредил дипломы для участников выставки «Великая отечественная война». 24 художникам-живописцам и графикам, 6 скульпторам и 2 художникам-иллюстраторам, представившим на выставку лучшие работы, выданы дипломы 1-й степени. Среди награждённых — А. Герасимов, Б. Ефимов, П. Кончаловский, Кукрыниксы, П. Соколов-Скаля, Е. Лансере, М. Бобышев, Г. Верейский, Д. Шмаринов, З. Аргун, В. Лишев, В. Мухина и др.

Дипломы 2-й степени присуждены 28 художникам, 10 скульпторам и двум мастерам Палеха.

ЦИКЛ РУССКОЙ МУЗЫКИ

Главное управление музыкальных учреждений Комитета по делам искусств организует в конце марта цикл концертов русской музыки.

Всего намечено 26 концертов, в программу которых войдут выступления симфонического оркестра, оркестра народных инструментов, Государственного хора русской народной песни, хора имени Пятницкого, ряда камерных ансамблей и солистов.

Цикл русской музыки будет проводиться в Москве, Свердловске, Саратове, Куйбышеве, Новосибирске, Чкалове и Горьком.

«Утро в партизанском лесу». Рисунок Н. ЖУКОВА. Выставка «Великая Отечественная война».

Иллюстрация к повести С. Голубова «Багратион» — работы художника Н. В. КУЗЬМИНА (Детгиз).

Московская хроника

★ Творческий вечер латышского народного писателя А. Упита состоится сегодня, в среду, в Литературном клубе писателей.

★ Встреча московских художников с бригадами художников, возвращающихся из фронтовых командировок, состоялась на дням в МОСХ. О своих фронтовых впечатлениях рассказали художники Н. Одинцов, А. Пластов и П. Соколов-Скаля.

★ Балет Минкуса «Баядерка» возобновляется в Филиале Большого театра Союза ССР.

★ Творческий отчёт С. Михалкова состоялся в Военной комиссии Союза писателей. Стихи поэта прочли артисты Малого театра В. Рыжова и Н. Белокурова, ленинградские писательницы А. Маршак и автор. С. Михалков рассказал о своей работе во фронтовой печати. В обсуждении приняли участие М. Светлов, Г. Федосеев и др.

★ «Отважное сердце» — новую пьесу для юного зрителя прочитает 8 февраля А. Симонов на собрании секции детских писателей.

★ Творческий вечер заслуженной артистки РСФСР В. Пашенной состоится в Центральном Доме работников искусств. Артистка выступит в ролях из спектаклей «Гроза», «Воскресение», «Гудионовы семьи» и «Любовь Яровая». В программе вечера участвуют А. Котеров, И. Кудрявцев, С. Яров, М. Гетлиб, В. Петрин, пианист А. Козлов и скрипач Ю. Рейнович.

★ Комедия Островского «Правда хорошо, а счастье лучше» возобновляется постановкой в Малом театре 11 февраля. Режиссёр спектакля — Б. Николаевский, художник — Б. Кустодиев. Главные роли играют Т. Турчанинова, В. Рыжова, Я. Яковлев, Н. Рыбников, Б. Батоврин, Н. Рыжов, Д. Давыдов, А. Сахаров-Николаевский.

★ Цикл вечеров «Литература и кино» организует московский Дом кино. На вечерах будут демонстрироваться художественные фильмы, поставленные по произведениям русских и иностранных писателей. Ближайший вечер из этого цикла, посвящённый экранизации «Грозы» А. Островского, состоится 10 февраля.

ФРОНТОВЫЕ КИНОЖУРНАЛИСТЫ

В 1941 году многие кинооператоры и ассистенты операторов, входящие в состав фронтовых киногрупп, показали образцы боевой работы.

Комитет по делам кинематографии поощрил в категориях фронтовых киножурналистов В. Орлянского, Б. Кацера, С. Гольбрейха, И. Гальдштейна, М. Посельского (киногруппа Донского фронта), Г. Трофимова, П. Шаллей, О. Фомина, Л. Иванова, Н. Долгова, В. Мансвинина, К. Стаценко, В. Демешкина (киногруппа Ленинградского фронта), А. Залулина, В. Сушинского (киногруппа Волховского фронта), Д. Цыдзиковича (киногруппа Закавказского фронта), В. Скородина (киногруппа Воронежского фронта), И. Грачева (киногруппа Юго-Западного фронта), А. Кричевского, Г. Боброва, А. Эльберт (киногруппа Западного фронта) и др.

Одновременно Комитет отметил слабую работу по фронтовому кинорепортажу в 1942 году и снимал в категории операторов Я. Бергинера и Б. Бурта. За плохую работу отчислены из фронтовых киногрупп и уволены из киностудии операторы Л. Грецкий и О. Анисимов.

Задачи сельской киносети

2—4 февраля в Москве проходило совместное Комитетом по делам кинематографии совещание по вопросам работы сельской киносети. В работах совещания принято участие около 30 работников кинофикации и проката Московской, Тульской, Рязанской, Горьковской, Ленинградской, Свердловской, Молотовской и других областей РСФСР, Коми АССР, Татарской, Чувашской, Мордовской, Марийской автономных республик.

Совещание открыл заместитель председателя Комитета по делам кинематографии И. Лукашев.

— Работники киносети, включившись во всенародное социалистическое соревнование, значительно улучшили свою деятельность за последнее время. Больших успехов добились в четвертом квартале прошлого года киноработники Архангельской, Ивановской и ряда других областей. Значительно увеличилось количество сельских киносеансов, улучшилось качество кинопоказа.

Однако в работе киноорганизаций есть еще много недостатков. Очень высок процент бездействующих киноустановок, нерационально обслуживаются сельские населённые пункты. Есть такие районы, где на целый год не побывала ни одна кинопередвижка. Киномеханики часто самовольно изменяют маршруты, избегая посещать глубинные сёла и колхозы. Не удовлетворяет зрителя и репертуар стационарной и передвижной киносети в деревне. Многие колхозники до сих пор не видели целых актуальных фильмов, как «День войны», «Парень из нашего города» и другие. Необходимо пустить в ход бездействующую аппаратуру и наладить работу киносети так, чтобы в каждом сельсовете кинопередвижка побывала не менее двух раз в месяц.

Выступившие на совещании начальники областных и республиканских управлений кинофикации и контор Главкинопроката поделились опытом работы по обслуживанию сельского кинозрителя.

Председатель Комитета по делам кинематографии П. Г. Большаков в своем выступлении остановился на ближайших задачах по улучшению обслуживания колхозников.

В КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ

☆ Утверждён репертуарный план Центрального детского театра на 1943 год. В театре пойдут: «Далекий край» Е. Шварца, «Русские люди» К. Симонова, «Бандерские проклятиры» Шекспира и «Умные вещи» С. Маршака.

☆ В репертуаре театра имени М. Н. Ермоловой утверждены: «Наш корреспондент» Меттера и Лешина, «Жди меня» Симонова, «Генерал Брусилов» Сельвинского, «Осада Лейдена» Штока и «Укрощение укротителя» Флетчера.

☆ Ленинградский Малый оперный театр поставит в 1943 году: «Надежду Светлову» Ив. Дзержинского, «Орлеанскую деву» и «Пиковую даму» Чайковского, «Синюю бороду» Оффенбаха и балет Чулаки «Два мира».

☆ Большую работу на фронте проводила направленная Комитетом по делам искусств для художественного обслуживания Действующей армии бригада Украинского театра имени Ив. Франко во главе с А. Бучмой. Участники бригады выступали непосредственно на передовой линии фронта, в только что освобождённых от фашистских захватчиков городах и населённых пунктах. На четвёртый день после освобождения Котельниково артисты дали концерты героям-гвардейцам, овладевшим этим городом. Выступления бригады проходили на высоком художественном уровне, программа и репертуар концертов были тщательно продуманы.

Комитет по делам искусств об'явил в специальном приказе благодарность участникам этой бригады: А. Бучме, А. Юрскому, О. Вилуевой, Н. Яковченко, Б. Кобрицкому, Е. Вольской, А. Дружинину, Н. Ивашенко, И. Блюмкину и Д. Вольскому.

☆ По указанию Комитета искусств московские театры будут давать не реже одного раза в две недели утренние спектакли в рабочие дни.

* * *

На вчерашнем заседании Комитета были заслушаны сообщения о ходе подготовки к 25-летию Красной Армии, о выполнении мероприятий по укреплению учреждений искусства на Урале и о создании хоровой академической капеллы в Москве.

РЕКОНСТРУКЦИЯ УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Под руководством специальной правительственной комиссии в Узбекистане проводятся работы по реконструкции узбекских народных инструментов. Создана экспериментальная мастерская и научная лаборатория, в состав ученого совета которой входят композитор Тохтасын Джалилов, проф. В. Беляев, проф. Х. Кушакарев, композитор Талиб Садыков и др.

Узбекский музыкальный инструментарий насчитывает свыше 20 разновидностей, из которых может быть составлен оркестр очень большого об'ема, разнообразный по тембрам. Ближайшая цель реконструкции — создание Узбекского государственного оркестра в составе 100 человек из европейских и реконструированных узбекских национальных инструментов.

ПРЕМЬЕРЫ МОСКОВСКОГО ЦИРКА

7 февраля Московский Госцирк покажет новую программу. В центре представления — большое иллюзионное ревю о участием Кио. Выступят также канатоходцы на ходулях Хибины, музыкальные эксцентрики Ширмаи, акробаты братья Гавриловы и др.

К 25-летию Красной Армии Московский цирк готовит большой торжественный пролог. Текст к прологу заказан драматургу В. Ромашову, музыка — композитору Д. Фомину, оформление делает художник Е. Гозлицгейн.

Цирк принял к постановке одноактную приключенческую пантомиму «Время и дела», написанную артистом цирка М. Румянцевым (Каран д'Ан.)

Художественным руководителем Московского цирка назначен Ю. Юрский.

Редакционная коллегия: Т. ЗУЕВА, А. КАЙГР, Е. КОВАЛЬЧИК, А. СУРКОВ, А. СОЛОДОВНИКОВ, А. ФАДЕЕВ (отв. редактор).

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Окончание. Начало см. на 1 стр.

блиться к отдушине и лично убедиться в положении дела. Автору самому хочется поверить в свою выдумку, он старается создать условия, при которых она окажется возможной, оправданной. Мы узнаём, что в подвале полная темнота, что Леонард никому не уступает своего командного пункта, но всё ещё не можем поверить, чтобы люди, находящиеся рядом с Леонардом, считали действительными его переговоры и удары лопат, когда сами они не слышат ни единого звука.

При создавшемся в бомбоубежище положении, в реальной жизни, такая игра Леонарда не выдержала бы испытания времени. Иллюзии должна была бы вскоре уступить место суровой правде, в которой разные люди раскрылись бы до конца в своем мужестве или слабодушии. Это было бы менее эффектно, но более значительно, как в «Грузинских сказках», где люди, несмотря на то, что командир лодки тоже хотел сохранить для них спокойствие неведения, узнают правду своего положения, и должны испытать свои душевные силы без кармана, погружающего их в бессознательное состояние. Но автор не хочет расставаться с созданной им иллюзией и поддерживает гипнотическую силу Леонарда литературными пассами.

Этот финиш требует соответствующего старта. Если Леонард оказывается в минуту высшего испытания добрым волшебником, то, в соответствии с идеей рассказа показать художническую, артистическую природу его подвига, и искусство Леонарда должно быть поднято до волшебства. Вот почему в первой же строчке рассказа герой отрекомендован «волшебным мастером бритья и перманента». Вот почему так же, как молодеют и хорошеют лица от его бритья,—молодеют и хорошеют человеческие души, когда он сменит бритву на смычок.

А как описаны пальцы этого чародея! «Тонкие», «гибкие», «нежные», «ловкие», «безошибочные», «выразительные», «быстрые», «лёгкие», «цепкие», «властные», пальцы виртуоза-жонглёра, в которых бритва совершает сверкающие полеты. Удивительные пальцы, каждый на которых, «бледный и женщиной, жил, казалось, своей осмысленной умной жизнью..».

Почему такой безудержный восторг? Такое обилие эпитетов? Неужели и в самом деле пальцы парикмахера произвели на автора такое неотразимо-чарующее впечатление, что остаётся только каждому в отдельности воспеть торжественную оду? Нет, это не опросто. Не бескорыстна эта подкладка.

Загляните в конец рассказа, и всё станет ясно. Пальцы Леонарда были разможжены при обвале тяжелым камнем, и руки пришлось отнять до запястья! Чтобы сделать этот финал сверхтрагичным и сверхгероическим, надо было их обожествить. Их надо было обожествить, чтобы поднять до высшего предела цену самоотречённости Леонарда, который, лишившись самого драгоценного для себя, «в страшной своей скорби и боли сумел нелые сутки думать о других».

Моряк из рассказа «Соловей» красив и статен, его не спутаешь с парикмахером Леонардом, но по существу своему это двойники. Если Леонард — волшебный мастер, то моряк — необыкновенный звукоподражатель.

Оба виртуоза подымаются на ступень подлинного искусства. Душа парикмахера — его скрипка. Душа моряка — его свист. «Верный», «прозрачный», «чистый», «сильный» соловьиный свист, столь же чудодейственный для человеческих сердец, как и скрипка Леонарда.

Звукоподражательный талант моряка используется для сигнализации. Однажды в разведке, убив нескольких румын, тяжело раненный моряк даёт спасительный сигнал своим товарищам.

Что это был за свист!? Чудесный, самозабвенный. И было бы что послушать, если бы не было тут иного самозабвения и у автора.

В самом деле, моряк умирал, он «хрипел тяжко и трудно», но тут же пел и щёлкал и свистел соловьём, и столько тоски и тревоги было в его свисте, что, слушая его, люди задыхали. Ничего «не видя и не сознавая», он всё пел и щёлкал. Задыхался от недостатка воздуха, но всё свистел.

Кончилась, уходила ночь, а он всё свистел, небо над морем стало розоветь, и пение соловья перешло в мелодию, и «обожжённая, изуродованная, как его тело, она металась над сверкающим морем последней жалобой».

Как тут не впасть в отчаяние нам, простым смертным, когда мы узнаём, что этот божественный «тонкий свист» вылетал сквозь непослушные (!), холодеющие губы». Как же свистел бы моряк, если бы губы его были послушны?

Соболев здесь, как нам кажется, и сам не очень уверен в том, что постигает правду, но, желая убедить и себя и читателя, форсирует голос, принукривает, приподнимает свою мысль и, боясь отрезвляющих пауз, защищает её безостановочным нагромождением образов и слов. Они эффектны, красивы, их назначение, назначающийся блеск должен нас выгипнотизировать. И вором Соболева волит уже не крепкая мужская рука автора морских рассказов, а «бледный и женщиной палец». Но ведь и одесский Фигаро решил «бросить парикмахерскую, из-за которого его зовут Леонардом, хотя он просто Лев».

Бледный и женщиной палец наложил свою печать и на рассказ «Невеста».

Пьяная сестра Феня, обыкновенная некрасивая женщина, потерявшая мужа на фронте, и танкист Коля с обожжённым лицом, не знающий, вернётся ли к нему зрение, полюбили друг друга. Страдание и одиночество сблизили их. Рассказать об этой встрече просто и глубоко можно, только поняв своих героев до конца и увидев в самой их любви, в её силе и движении достаточное содержание для рассказа. Но Соболева опять потянуло к чему-то необычному, необыкновенному, более «красивому», чем правда простых человеческих чувств. И вот в рассказе возникает иллюзорная красота Фени. В своём воображении Коля представил себе Феню красавицей.

Положение становится сложным, мелодраматически взвинченным, искусственно напряжённым. Скоро с глаз Коли будет снята повязка, он прозреет и увидит Феню совсем не такой, какой воображал ее. «.. Куда я ему такая... Что он обо мне выдумал, зачем выдумал?..» Феня в отчаянии. И когда приблизился решающий день, она внезапно исчезла.

«Больше ее в госпитале никто не видел. Потом узнали, что она уехала на родину— высокая женская душа, которая предпочла уйти, чтобы оставить в человеке, возвращённом ею к жизни и победе, прекрасную мечту о душевном, красивом, молодой женщине, полюбившей его самого, а не его лицо,—чем открыть ему правду уничтожающую его мечту».

Возвышенно! Трогательно! Но вот красноармейцы, горячо обсуждавшие рассказ Соболева, не понимают ухода Фени, не одобряют его, даже осуждают. Любовь Фени и Коли кажется им гораздо более значительной и сильной, чем разрушающие её иллюзии. И если автор вместе со своей героиней ушёл от правды, чтобы сохранить вымысел, то читатель, наоборот, требует, чтобы правда уничтожила иллюзию, ибо не может примириться с тем, чтобы обманчивая мечта уничтожила правду. Он проходит мимо всех усилий автора, рвавшихся об'яснить, сделать понятным уход Фени, и останавливает свое внимание исключительно на том, что здесь наиболее близко и необходимо душе человека, что может и должно продолжать жить. Феня должна была остаться, и выдуманная несуществующая Феня-красавица не помешала бы её счастью.

Природа мстит тем, кто ее игнорирует. Соболев не замечает, что в его рассказе за правдой исчезает и та иллюзия, которую он так ревностно оберегает для своего героя. Феня ушла, чтобы сохранить Коле его «прекрасную мечту». Высокая женская душа, она сделала это для него. Пусть он продолжает думать, что его самого, а не его лицо полюбила молодая, красивая женщина.

Но сможет ли он так думать? Как он об'ясняет себе её уход?

Единственный возможный ответ: значит, не любила. Значит, все это было ложью, милосердным актом, а не любовью невесты. Так рушится «прекрасная мечта» в первую же минуту после ухода Фени, а ведь Феня не могла не подумать об этом, если она действительно решилась на уход для него.

Почему же ушла Феня? Невольно возникает мысль, что она спасала себя, а не Колю, боясь на близости быть отвергнутой, когда обнаружится, что она некрасива и немолода. Ведь Феня «побледнела странной бледностью отчаяния», когда узнала, что к Коле вернется зрение. Так печалит в рассказе ещё одна иллюзия: наличия «высокой женской души» — его главная идея, его главный образ.

Иллюзорный мир боится реалистических, точных понятий, он не был бы иллюзорным, если бы не боялся конкретности. У него свой словарь, неосязаемый, невесомый, такой же неуловимый и мнимо значительный, как и идеи, которые он призван выражать. «Волшебный» Леонард, «необыкновенный» звукоподражатель, «необыкновенная» повесть любви, где женщина «взлетала сверкающеся солнечным лучом», «скользнула легким видением», где витает «найденный призрак утраченного», —попробуйте найти что-либо подобное в хороших рассказах Соболева с их точным чеканным языком.

Пусть действие таких рассказов, как «Невеста», «Соловей» и «Парикмахер Леонард», происходит на фронте или в военном госпитале, в них нет ничего, взятого из арсенала войны. Война здесь — только трамплин, от которого автор отталкивается, чтобы улететь, от нее «легким видением».

Когда ограничивались строгие, энергичные, предельно конкретные морские рассказы Соболева с его рассказами призрачными и беспредметными, то возникает мысль, что в известной мере вторые обязаны своим происхождением первым.

Война наша жестока. Она оторвала миллионы людей от родных очагов, от детей и любимых женщин, от созидательного труда и ввергла их в жир смертей, разрушений и пожарищ. В сердце должно беспрерывно бушевать пламя ненависти. Руки должны убивать. Вполне понятно, что в этой противоестественной жизни, навязанной нашему народу, он, не в пример озверелому врагу, не только сохраняет человеческое достоинство, но именно в высшей своей человечности черпает силу для борьбы.

Понятно поэтому и стремление писателя услышать в грохоте и окрестности войны голоса любви, светлой грусти, дружбы и нежности.

В своих морских рассказах, изображая главных героев войны, Соболев ограничил свой восприятие только видимым, слышимым, осязаемым.

Упорство, выносливость, собранность, напряженность, энергия воли и мускулов этих героев, вызывая у нас преклонение, в то же время оставляет неутолённой пытливую мысль читателя, жаждущую приобщения к душевным истокам героизма. Нам необходимо знать человеческую природу этих, казалось бы, нечеловеческих сил, потому что только такими откровениями может быть приведена в движение наша способность заражаться достойным примером и обогащать собственные свои нравственные силы.

Если бы Соболев глубже заглянул в сердца своих молчаливых и непреклонных героев, он нашел бы там этот человеческий мир во всём его неисчерпаемом богатстве. И тогда, думается нам, Соболеву не показалось бы его море слишком суровым и холодным, и он не стал бы искать выхода на безысходного мужества в мире иллюзий.

Для писателя выдержать испытание войны, то-есть смотреть прямо в её суровое, жестокое лицо и сохранить гуманистическую сущность и силу искусства, возможно лишь на пути познания общественной природы героизма защитников нашей родины. Эта природа будет открываться писателю тем глубже, охотнее и доверчивей, чем сильнее будет его желание увидеть её такою, какова она есть, во всей её безыскусственности, увидеть её красоту в её правде.

Адрес редакции и издательства: Москва, Спиридоновка, 2 (для телеграмм — Москва, Литискусство); телефоны: отв. секретарь—К 4-61-15, отделы литературы, искусства, кино—К 4-62-24, К 4-64-61, информации и секретариат—К 4-60-02; издательство—К 4-78-02.
Заказ
Типография издательства «Московский большевик», Чистые пруды, 8.